

Анна Платунова

Забери
МОЮ ЖИЗНЬ

16+

Анна Сергеевна Платунова
Забери мою жизнь
Серия «Герцоги в бегах», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68030558

SelfPub; 2022

Аннотация

Хорошо быть студентом – и не просто студентом, а будущим магом, обучающимся в Академии Кристалл! Будь ты орк или человек, гном или дракон, тут все равны. Ведь так здорово стать целителем, артефактором или... хм... некромантом? Парочка недовольных есть! Знакомьтесь: Летиция Хаул сбежала от тетки и мерзкого женишка. Из огня да в полымя: от тетки к мертвецам. Ларнис Безымянный не помнит своего имени, ведь кто-то хорошенько приложил его по голове. Он по щелчку пальцев оживляет покойничков, но вовсе не горит желанием стать некромантом. Студенческая жизнь, приключения, страшные тайны и... неожиданная любовь! Скучно не будет! Входит в цикл "Герцоги в бегах": знакомый мир, новые герои. Можно читать отдельно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	44
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	71
Глава 10	84
Глава 11	103
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Анна Платунова

Забери мою жизнь

Пролог

Пожелтевший лист бумаги заполняли неровные строчки. Сургучная печать городского управления дознавателей раскрошилась от времени. Чернила выцвели и стерлись. Но тому, кто сейчас держал в руках чистосердечное признание, не нужно было вчитываться: он давно выучил его наизусть.

«Господин дознаватель, уж не знаю, за что меня арестовали! Моей вины нет! Как на духу заявляю! А то, что кровопийце энтому мы кишки выпустили, так за дело! Мерзкая тварь, хоть и выглядит как человек!

Меня позвал Юшка. Его – Мих. Так нас постепенно и набралась пара дюжин. А то, что я вилы взял, – так не идти ведь супротив клыкастой твари с голыми руками!

Не знаю уж, как Амелия с ним снюхалась, чем он дурицу приманил, но известно, что кровопийцы коварные и лживые. Мягко стелют, а потом, не успеешь опомниться, – зубы в шее! Если бы Амелия жива осталась, никто из приличных людей с ней и словом бы больше не перемолвился. Так что и к лучшему, что померла глупая девка.

Да-да, простите, господин дознаватель, я помню, что

нужно отвечать на вопросы. Ну Микита я, кузнецов сын. Будто вы не знаете.

Ворвались мы, значит, в тот домишко. Хлипенький такой. У крыльца цветочки, дорожка песком посыпана, каменная чаша галькой выложена, а вверх бьет ключ – вроде как хвонтан, так это у ристократов зовется. Фу, срамота. Не дом, а картинка из книжки, сразу видно, что нелюдь живет.

Когда парни дверь высадили – я задержался чуток, выдирал с корнем кусточки-цветочки и в хвонтан кидал. А нечего жить не по-людски! Так что, когда я в дом протиснулся, уже почти все и закончилось.

Амелия, дурища эта, лежала на полу белая, как кукла восковая. Вампирюку поганого в десять пар рук уже скрутили и оттащили. Искровенили тварь. А он и не сопротивлялся особо: хоть и вампир, а слабак. А может, и сил уже не осталось вырываться. Не побарахтаешься, когда между лопаток нож торчит, а бок вилами продырявлен. Но чуть парни ослабляли хватку, как он тут же ужом изворачивался и к Амелии полз.

Как вспомню, до сих пор мороз по коже от этого зрелища. Вот она, тяга к крови невинной девы. Прижал ее к себе, и только и слышно: «Амелия, Амелия, Амелия!» Но тело у него отобрали, за руки, за ноги растянули. Тут вперед выступил Мих.

Он хотел, чтобы все по совести было! Что мы, дикари какие, что ли?

– Признаешь, – говорит, – что лишил жизни девицу Амелию? Выпил кровь до капли и до смерти?

А сам кол осиновый занес.

– Признаю, – прошелестел вампирюка. – Но...

Что он там в свое оправдание собирался бормотать, мы слушать не стали. Мих кол ему в сердце вогнал. С одного маха! Это мы еще милосердно поступили! Могли бы для начала конечности повыдергивать да глазюки повыкалывать.

Кровопийца содрогнулся, закашлялся красным. Но живущий гад оказался. Мы уходили – он еще барахтался. Полз за нами, вернее, за Амелией, которую Мих взвалил на плечо.

Стоит глаза прикрыть, так до сих пор в ушах его шепот:

– Амелия... Мелли...

Вот и не понимаю я, господин дознаватель, за что нас задержали. Кровопийцы – угроза всем разумным расам, я так считаю! От них и люди страдают, и гномы, и орки, да и драконы, небось, тоже! Надо под корень извести всю их народность. А то, что разговоры ходят о том, чтобы вампиров признать равными остальным, – так это опасный бред! Бред и ересь!

Вот и весь мой сказ!»

Мужчина осторожно сложил лист, потертый на сгибах, и убрал в шкатулку, где кроме других пожелтевших бумаг лежал медальон на золотой цепочке и локон белокурых волос, перевязанный голубой атласной лентой.

Он вздохнул, опершись на стол. С каждым годом стано-

вилось все тяжелее открыть шкатулку из темного дерева, инкрустированную разноцветными стеклышками и кварцем. На вид – очень дешевую. И все-таки самую дорогую.

Он не знал, хватит ли сил открыть ее в следующем году. И надеялся, что не хватит. Сколько можно тянуть?

Не успел он додумать эту мысль, как на затылок обрушился удар, стирая чувства и воспоминания.

Глава 1

Летиция

Я не сразу нашла свое имя в списке поступивших, хотя внимательно прочитала все фамилии в рейтингах боевого и целительского факультетов, факультета теории и исследований и, конечно, провела пальцем от первой до последней строчки списка факультета артефакторики и рун. Летиция Хаул не значилась ни в одном из них.

– Леди Лэти! – громыхнул над ухом Дуг, неугомонный орк, который был со мной в одной группе претендентов. – Не там смотришь!

– Перестать меня так называть, – прошипела я. – Сколько говорить, я не леди!

Я уже сто раз пожалела, что как-то за завтраком рассказала о детской дразнилке, которая прилипла ко мне намертво. Моя бедная матушка умерла сразу после родов, но успела дать мне имя. Назвала Летицией, видно, понадеявшись, что благородное и звучное имя подарит ее дочери если не лучшую жизнь, то хотя бы надежду на нее. Но в бедном квартале, откуда я родом, имя превратилось в насмешку.

Мои маленькие обидчики с удовольствием переделали «Летицию» в «Лэти», добавили перед именем «леди» и каждый раз, прежде чем облить меня помоями или швырнуть ком земли в подол обтрепанного платья, кланялись и с из-

девкой называли меня «Леди Лёти». Они и сами были одеты в сбитые башмаки, доставшиеся от старших братьев и сестер, в латаные рубашки и прохудившиеся накидки, но по сравнению со мной выглядели настоящими аристократами. Все думали, что семья тети держит приемыша из милости. Я донашивала платья после того, как их успели износить до дыр три мои кузины, и частенько бывало так, что в зимнее время я оборачивала голые ступни в обрывки газет, чтобы они не так сильно мерзли, и из них же сооружала что-то вроде телогрейки под тонким плащом.

Мама умерла, отца я никогда не знала, некому было меня пожалеть. Наверное, я должна быть благодарна тете за то, что она не выкинула сироту на улицу, а дала ей кров и пищу. На чердаке, где стояла моя кровать, в большее время года было тепло и сухо. На перевернутом дырявом ведре, служившем мне стулом, меня всегда ждал заяц Пуш – мой плюшевый одноухий друг. Он ждал, чтобы обнять меня на ночь, вытереть слезы и помочь уснуть.

Нет, я не жаловалась, пусть мне и приходилось вставать в пять утра для того, чтобы растопить печь, вычистить обувь тетушки, дяди и кузин, накрыть стол, а после, когда они завтракали, заняться стиркой или уборкой.

Особенно я признательна тете за то, что она отправляла меня вместе с кузинами в школу. Нет, не учиться, конечно, а для того, чтобы я всегда была под рукой: занять место в школьной столовой, просушить у печки накидки сестер

в ненастную погоду, да мало ли зачем может понадобится служанка.

Сестры запретили мне упоминать о том, что я их родственница. Однажды я услышала, что Нона, моя старшая кузина, рассказывает учителю чистописания:

– Подобрали на улице. Мать у нее бродяжка, а отец вообще висельник. Так и померла бы в канаве, если бы не моя добрейшая матушка.

– Жаль, что ваша матушка не разрешает Летиции учиться, – вздохнул учитель. – Такая светлая голова.

– Кто? Эта тупица? – фыркнула Тесс, средняя сестра.

Девочек несколько не смущало, что я слышу разговор. А я молчала, потому что боялась, что тетушка запретит мне сопровождать их в школу и тогда я лишусь своей единственной радости – возможности учиться.

Вечерами на чердаке, пока догорал огарок свечи, я выводила буквы и складывала цифры на обрывках газет, оставшихся от розжига печи. А в школе, дожидаясь сестер за дверьми класса, читала порванные книги и учебники, приготовленные на выброс...

– Не там смотришь! – настойчиво повторил Дуг, выдернув меня из воспоминаний.

– А где посмотреть? – сдалась я.

Орк подтолкнул меня в спину в направлении последнего в ряду списка поступивших.

– Ну не-ет, – протянула я. – Даже смотреть не стану: это же

факультет кукловодов! Фу-фу-фу! Я менталистов до смерти боюсь!

– А что нас бояться, мы смиренные! – улыбнулся студент в фиолетовой мантии.

Шутник, я смотрю!

– Да туда ведь берут только самых умных, – продолжала упорствовать я, пока Дуг неуклонно подпихивал меня в сторону списка. – И невозмутимых! А спокойствие – это явно не мое!

– Давай, давай, проверь! – рыкнул Дуг.

Придется, видимо, а то не отвяжется. Посмотрю, поплачу и пойду собирать дорожный мешок. Хотя что там собирать: из дома я сбежала налегке, а тетушка плевалась и выкрикивала вслед проклятия.

Вот она обрадуется, когда нерадивая племянница приползет назад. Ой и отыграется на мне за наглость! Поглумится, а потом снова пригласит на ужин того жирдяя – хозяина мясной лавки, которого прочила мне в мужа.

Нет! Никогда! Больше в тот дом я не вернусь!

Рядом со списком стоял бледный парень с повязкой на голове. Кто это его так приложил, бедного?

Он морщился, тер висок и искал в списке имя. Видно, не нашел – махнул рукой.

– Не поступил? – сочувственно спросила я у него.

– Наоборот! Запихнули меня к кукловодам. Какой из меня менталист, если я даже имени своего не помню?

С этими словами он зашагал прочь, оставив меня в полном недоумении.

Нужно и мне посмотреть. Эх, была не была!

– О, нет... – прошептала я, пробежав глазами список до самого конца. – О, нет-нет-нет!

Имя Летиции Хаул стояло последним в рейтинге, и это означало, что я все-таки зачислена.

Зачислена на факультет ментальной магии! В будущем я стану дознавателем, смогу задавать вопросы мертвым и читать мысли!

Не хочу!

Но какой у меня выбор?

Дома в предвкушении потирает лоснящиеся ручонки жирный мясник: горе-женишок, которого мне подогнала любезная тетушка.

– А-а-а! – крикнула я.

Студент с перевязанной головой оглянулся, нашел меня взглядом и мимолетно усмехнулся уголками губ. Мол, понимаю, сочувствую, поплывем в одной лодке.

Глава 2

Безымянный студент

Я очнулся от похлопывания по щекам. Приоткрыл глаза и тут же зажмурил их: слишком яркий свет.

– Я зашторю окна, – произнес мужской голос.

Раздался шум задвигающихся портьер, в помещении стемнело, и тогда я сел и осмотрелся. Я чувствовал себя необычно. Голова не то чтобы болела, нет. Даже не кружилась. Но в ней будто образовалась странная легкость и пустота.

Я сел и уставился на свои руки. Руки как руки, все пальцы на месте. Потрогал лоб и ощутил ткань повязки.

– Как самочувствие? – обратился ко мне все тот же голос.

Я оглянулся, отыскивая его источник, и увидел высокого широкоплечего мужчину в зеленой мантии. А он в свою очередь смотрел на меня, и на его лице застыло непонятное выражение, будто он ждал, что я сейчас что-то скажу. Но что я мог сказать?

– Меня зовут... – начал он и кивнул, будто приглашал продолжить.

Я пожал плечами:

– Мне кажется, мы не знакомы.

– Да, конечно, – расцвел в улыбке тот. – Меня зовут мэтр Орто. Я декан факультета целительства и зельеварения ака-

демии Кристалл. Вчера вы приехали поступать в академию и первым делом внесли плату за год обучения. По несчастливому стечению обстоятельств служитель не успел записать ваше имя: вы неожиданно вспомнили о срочном деле и обещали вернуться через пару минут, но не вернулись. А вечером вас нашли в дальней части городского парка с раной на голове.

Странная история: о каком срочном деле я вспомнил, что бросился бежать сломя голову за территорию академии в городской парк?

Я снова потрогал повязку. Затылок ломило, но не сильно.

– Я думаю, что некий злоумышленник каким-то образом узнал про золото, которое у вас было с собой, и собирался вас ограбить, но опоздал: вы уже отдали деньги. Повезло.

– Да уж...

– Вашему здоровью больше ничто не угрожает, вечером мы вас выпишем, а завтра начнутся вступительные испытания. Так как вы не успели сообщить служителю свое имя, я готов лично внести его в список группы.

– Мое имя...

Я был уверен, что имя вспорхнет с языка легко, как птица, но чем дольше я пытался его вспомнить, тем упорнее оно пряталось от меня в глубине сознания. Я вскочил на ноги и сжал виски, будто это могло помочь выдавить имя на поверхность из моей гудящей головы.

– Имя... Имя...

Меня охватил страх. Я внезапно понял, что не помню не только имени, но и ничего о себе: кто я, откуда родом, сколько мне лет – ровным счетом ничего!

На стене, над рукомоёмником, висело зеркало. Под участливым взглядом целителя я, будто пьяный, побрел к нему и уставился на свое отражение. Я надеялся, что память вернется, когда я увижу себя.

На меня посмотрел бледный... Нет, это неподходящее слово. Не бледный – белый, будто год просидел в подвале, молодой человек. Сколько мне лет? Восемнадцать? Двадцать? По виду едва ли больше. Из-под повязки выбивались нестриженные светлые пряди. Глаза... Я приблизил лицо к поверхности зеркала. Если не считать того, что сейчас в них полопались сосуды, глаза серо-зеленые. Обычный человек. Это все, что я мог о себе сказать.

Мэтр Орто – или как назвался целитель? – подошел со спины и похлопал меня по плечу.

– Вы ничего не помните? Такое бывает после травмы головы. Крепитесь! Это не помешает вам пройти испытания, а память со временем восстановится.

– Вы уверены? – Сотни вопросов теснились у меня в голове. – Но когда? И как? И маг ли я вообще?

– Маг, не сомневайтесь. Только те, кто обладает даром, могут зайти на территорию академии. И здесь получают равные права с другими поступающими, неважно – аристократы ли они или простолюдины и к какой расе принадлежат. Так

постановил наш ректор. Очень мудрый... хм... человек.

Я недоверчиво поглядел на целителя. Как я смогу пройти испытания, если ничего не помню о себе? Тот будто прочитал мои мысли.

– Испытания основаны на природном даре, он все равно проявит себя. Это как дышать: ведь потеряв память, вы не разучились этого делать. Попробуйте ощутить магические потоки, они повсюду. Может быть, не сразу, но постепенно вернуться все способности. И, вероятно, вы удивитесь, как много умеете.

Я скептически хмыкнул, на большее не было сил. Но какой смысл предаваться отчаянию? Руки и ноги на месте, разум не пострадал... А память, моя личность, мое прошлое... Что же, буду учиться жить заново.

Мэтр Орто удовлетворенно кивнул.

– Теперь давайте придумаем временное имя, пока вы не вспомнили свое настоящее.

Взгляд упал на книгу, забытую на столе предыдущим посетителем или пациентом.

– Если так, пусть выберет случай.

Я перевернул несколько страниц, и мой взгляд упал на первое попавшееся имя.

– Ларнис... – прочитал я. – А что это за книга, кстати?

Мы с мэтром Орто уставились на обложку.

– М-да, не самый удачный вариант для поиска подходящего имени. Наверное, кто-то из старшекурсников оставил.

Они изучают историю запретной магии, так что...

«Жизнеописание и злодеяния некроманта Ларниса Валерийского» – так называлась книга. На корешке была прикреплена бирка с надписью от руки: «Выдается только под ответственность куратора».

– Может быть, вам больше по душе имя автора книги – Маркус? – предложил целитель таким тоном, будто хотел извиниться за то, что мне подвернулось имя злодея.

– Я ведь сказал: пусть выберет случай. Значит, так тому и быть. К тому же мне не нравится имя Маркус. Записывайте мое новое имя: Ларнис... Ларнис Безымянный. Вполне подходит.

Мэтр Орто задумчиво черкнул имя в блокноте, кивнул.

– Отдыхайте. Вечером переберетесь в общежитие для претендентов, там уже готово место. К сожалению, вещей при вас не нашли. Грабитель все же сумел пожить.

«Отлично! Одна новость лучше другой!»

– Но студенты и преподаватели собрали немного денег, на первое время хватит.

Он положил на край стола носовой платок, в который были завязаны монеты. Если бы он попытался отдать мне их в руки, я бы не взял. Не принимаю милостыни. Вот и выяснилось что-то, чего я о себе пока не знал!

– И только попробуй отказался! – пригрозил декан факультета целителей. – Пожалуюсь ректору!

– Да, кстати: а с самим ректором можно увидеться?

Мэтр Орто странно закашлялся, отвернулся, закрыв рот рукой.

– Извини, подавился, – объяснил он, придя в себя. – Наш ректор вот уже несколько лет руководит академией, не покидая пределов своего дома. Стал настоящим затворником. Мы относим ему документы на подпись, докладываем обо всем, что произошло за день. Он...

– Болен? – предположил я.

И представил немощного, высохшего старика.

– Да-да, что-то вроде того, – торопливо согласился целитель. – Прости, Ларнис. Мне нужно идти. Приходи в себя. Я еще навещу тебя перед выпиской, но уже вижу, что дела пошли на поправку!

Интересно, сам мэтр Орто заметил, что с официального «вы» перешел на «ты»? Но я не имел ничего против: он целитель, декан факультета, а я даже не студент – претендент. К тому же я обязан ему жизнью.

Мэтр Орто ушел, а я лег на спину и уставился в потолок, на все лады повторяя новое незнакомое имя, привыкая к нему.

– Ларнис. Нис. Некромант, значит? Что же, если меня примут на факультет кукловодов, это будет даже забавно. Факультет *кукловодов*? Откуда я это знаю?

Глава 3

Летиция

Моей соседкой по комнате в общежитии оказалась гнома Рубелла. До сегодняшнего дня мы почти не общались: гнома держалась особняком и не стремилась с кем-то подружиться. По правде сказать, я не ожидала ее увидеть.

В прямом смысле слова – не ожидала. В комнате было тихо и безлюдно: на кроватях лежало чистое постельное белье, стулья аккуратно придвинуты к пустому столу, на полу новая, плетеная из свежей соломы циновка. В воздухе развеивался остаточный след бытовой магии: комнаты к заезду первокурсников обновили с ее помощью.

Я встала в середине комнатушки, покружилась, оглядываясь. После темной и сырой спальни на чердаке это место было лучшим домом в моей жизни.

И тут в шкаф постучали. Да-да, именно в шкаф! Да не снаружи, а изнутри.

«Что если здесь принято новоиспеченным студентам подсовывать в шкафы мертвецов? – мелькнула мысль. – Посвящение такое!»

Возможно, за дверью собралась компания старшекурсников, сдерживающих хихиканье. Но если они надеялись дождаться моих криков и визгов – зря надеются! Я сжала губы, быстро подошла и рванула дверцу на себя.

И взвизгнула от неожиданности. А следом за мной и Рубелла, потому что именно она сидела в шкафу на полке, обложенная ворохом пожитков: крошечных платьев, мантий и малюсеньких носовых платков.

– Я застряла! – сообщила она. – Собиралась разложить вещи, а тут сквозняк – и дверь захлопнулась! Хорошо, что ты пришла, помоги мне спуститься.

«А как же ты забралась?» – хотела спросить я, но посчитала, что это будет невежливо.

Гномы такие малютки! Рубелла ростом чуть выше моих коленей. Но гномы очень не любят, когда обсуждают их рост. Для них это такая же болезненная тема, как заостренные уши для эльфов. Или прозвище «леди» для меня...

Рубеллу приняли на факультет артефакторики и рун. Счастливица!

Вечером после переезда, когда мы устроились на новом месте, принесли из библиотеки учебники, получили от кураторов расписание занятий и наступило время чая и душевных разговоров, я призналась соседке, что ужасно боюсь факультета ментальной магии, на который меня зачислили.

Рубелла – она попросила называть ее Руби – пила кипяток из кукольной чашечки. Такой же набор посуды был у младшей кузины – Жаси, моей ровесницы. Как же я ей завидовала! А Жася будто нарочно доставала его из коробки и принималась угощать своих кукол чаем тогда, когда я поблизости натирала пол мастикой или чистила ковер.

Я пила кипяток из треснутого стакана. Работники столовой разрешали первокурсникам в начале учебного года разобрать посуду, приготовленную на выброс. Я и взяла – пойдет на первые дни!

Такой вот у нас был чай – «Белая роза»: вода и ложечка сахара. Сахаром угощала Руби.

– Я не справлюсь, – вздыхала я. – Ну какой из меня дознаватель! Мертвецы увидят меня и второй раз помрут. От смеха!

– Если ректор определил тебя на факультет кукловодов, значит, видит твой потенциал! – рассудительно заметила Руби. – Что-то, чего ты сама пока о себе не знаешь!

Она помолчала и так же рассудительно закончила:

– Или же у них в этом году на факультет ментальной магии жуткий недобор!

– Ну спасибо! – надулась я.

– Не обижайся. Такая уж я – всегда прямо говорю.

– А, – махнула я рукой. – Может, так и есть. Они ведь приняли парня, который и имени своего не помнит.

– Это тот, которого ограбили и стукнули по голове? – оживилась Рубелла.

Кажется, гнома в курсе новостей, а я про несчастного студента даже не слышала. У меня есть оправдание: я целыми днями корпела над книгами, стараясь заполнить пробелы в знаниях и не провалить испытания. А парень проходил испытания в другой группе претендентов, и мы ни разу не пе-

ресекались до сегодняшнего дня.

– Наверное, это он, – согласилась я. – Если, конечно, здесь не лупят по макушке каждого второго студента!

– Мы поступали в одной группе, и его-то, кстати, заслуженно приняли! – припечатала меня Рубелла.

– Вот как? – пробормотала я и отодвинула стакан с недопитым кипятком.

– Не обижайся!

Похоже, эти два слова мне теперь частенько придется слышать.

– Не обижайся, Лёти! Расскажи, как прошло твое испытание на факультете кукловодов?

Бр-р, лучше бы не спрашивала. Павильоны факультета находятся под землей. Это сделано ради безопасности, чтобы «учебный материал» не сбегал. Говорят, однажды, несколько лет назад, из павильона удрал труп орка, приготовленный для вступительного испытания: студенты-старшекурсники недоглядели. Орк спрятался в сушилке общежития, и то ли он съел студента-дракона, то ли дракон съел его – поразному рассказывают. А может, и девицу какую-то поглотил: кажется, там еще девица была.

В этом году нам приготовили тушу козла, который выглядел так, будто помер своей смертью задолго до испытаний, а потом его раз пятьсот поднимали и упокаивали. Жутковато он выглядел, прямо скажем: глаза выпучены, шерсть торчит клоками. Та, которая не успела вылезти. Один рог обломан,

а на другой повязана бирка «Учебный материал № 5». Боюсь предположить, на что похожи предыдущие четыре.

– Попробуйте вдохнул в него жизненную силу, – скомандовал мэтр Ригас, декан факультета. – Это чистая энергия, без формул, символов и специальных знаний. Никто не просит вас устраивать допрос этому... кхе-кхе... объекту.

После этих слов все расхохотались, а я обмирала от ужаса, лишь представив, что несчастное животное встанет на ноги и посмотрит на меня мутными глазами.

– Испытание засчитается, если учебный материал хотя бы пошевелится, – подбодрил нас декан.

У василиска Арвила, самого сильного из претендентов, козел попытался сесть, мотая головой и метя длинной бородой по полу.

– Я тоже справилась! – заявила я Руби. – Он шевельнулся! Он шевельнулся, ага. Одним ухом точно пошевелил. Пренебрежительно так, будто отмахивался от меня: «Уберите эту неумейку!» Но испытание засчитали.

Эх, где же та сила, которая проснулась во мне, когда гадкий мясник полез ко мне целоваться своими жирными губищами!

Тетя впервые в жизни купила мне новое платье, была мила и приветлива. Приказала накрыть стол в гостиной, сообщив, что ко мне придет гость. Я не понимала, о каком госте идет речь, но была так ошарашена подарком и добрым отношением, что решила не выспрашивать: все равно скоро узнаю.

Не представляю, что толкнуло тетушку на этот шаг. Может быть, она искренне считала, что печется о моем будущем и подыскала мне отличную партию? Или, скорее, она так поступила потому, что парни, которых стали приглашать в дом, чтобы познакомить с Ноной и Тесс, после того как они закончили школу, отчего-то без конца пялились на служанку в замызганном платье? Так или иначе, но гость оказался не простой...

Я теперь и имени его не вспомню. Что-то слизкое, точно раздавленная гусеница. Висс? Лесс? После того, как были съедены все пирожные и пирожки, к которым я и притронуться не успела, а разговоры о погоде и доброте моей тетушки закончились, женишок решил, что формальности улажены, и полез целоваться мокрыми губами.

Я вскочила и бросилась к выходу, заколотила в дверь, которая оказалась заперта. Меня никто прежде не целовал. И я не хотела, чтобы это было так. Грязно, мерзко... С этим... Я звала тетю, сестер. Наивная дурочка.

Висс гаденько хихикал, похоже, он считал все это веселой игрой: невеста сопротивляется. А я... Когда поняла, что никто не придет на помощь, зачерпнула ладонью воздуха и зарядила ему в лоб.

Сама не понимаю, как это произошло и почему. Действовала по наитию. Висс хохотнул да так и застыл с разинутым ртом, а потом упал навзничь. На лбу вздувалась огромная синяя шишка. Я шарахнула гадкого женишка воздухом, пре-

вратив тот в камень.

Так я узнала, что у меня есть магические способности. В тот же день собрала немногочисленные пожитки и отправилась в Академию, благо как раз наступила осень. Тетя выкрикивала в спину проклятия и обещала, что когда я с позором приползу назад, она не пустит меня на порог. И теперь я во что бы то ни стало должна доказать всем, что из меня выйдет отличный дознаватель!

Больше всего я переживала из-за того, что не могу сразу внести плату за первый семестр, о чем сразу сообщала всем, кого встречала: гномам-служителям, куратору, коменданту студенческого общежития. Я готова была работать по ночам хоть прачкой, хоть посудомойкой и очень боялась, что меня не допустят до испытаний.

Но случилось чудо: мое дело подали на рассмотрение ректору, и он разрешил внести только половину суммы, да и то в процессе обучения – каждый месяц понемногу. Все говорят, что академии с ректором повезло. И академии, и мне!

– ... разогнал всех, – услышала я голос Рубеллы.

Я все прослушала.

– Извини, повтори, пожалуйста.

– Я говорю, а вот у Ларниса Безымянного – он, кстати, взял себе такую фамилию – козел не только пошевелился. Он скакал, как конь! Хорошо, что рог у него остался всего один, но и его хватило, чтобы порвать Нарву штаны. Носился кругами, всех разогнал. Кроме Безымянного. Тот застыл

на месте, будто не верил, что глядит на дело своих рук. Все бегают, орут, визжат. Меня подхватил Рум, посадил на шею, а сам сменил ипостась. Хорошо быть оборотнем. А мэтр Ригас все никак не мог прицелиться заклинанием упокоения в козла: боялся нас зацепить. И тут парень поднял ладонь и тихенько так: «Умри!» И козлиная сдохла.

– Вау! – потрясенно произнесла я.

– Я к чему: беднягу с дырявой черепушкой приняли на факультет не за красивые глаза. Он хоть ничего не помнит о себе, но маг очень сильный.

– Это точно, – вынуждена была согласиться я.

Глава 4

Ларнис

После того, как я оживил на вступительном испытании козла, одnogруппники долгое время странно на меня косились. И я их не осуждаю. Если бы кто-то на моих глазах превратил неподвижный труп в необузданное чудовище и сам при этом хранил загадочное и зловещее молчание, я бы тоже поостерегся заводить знакомство с этим типом. То есть со мной.

Беда в том, что за загадочным молчанием крылась растерянность. Я и сам не понял, что сделал. Декан приказал вдохнуть жизненную силу, и я представил это буквально: будто я вдуваю воздух в распухшие ноздри «учебного материала № 5». Не успел вообразить, как козел поднялся на ноги и устроил светопреставление. Упокоил я его тогда, когда увидел, что от меня к нему тянется прозрачная нить силы. Разорвал ее, и страшилище в один миг превратилось в безобидную тушу. Слегка пованивающую. Пора уже обновить материал для испытаний, стыдно выставлять такое безобразие для тренировок.

Я так и сказал мэтру Ригасу.

– Да-да, – согласился декан факультета ментальной магии, пристально рассматривая меня.

Так же, как мэтр Орто при первой встрече. Не могу по-

нять: это особый пронзительный взгляд декана, который должен узреть мои студенческие способности? Или что?

– Ну ты наглый! – сказал Рум, оборотень из нашей группы. – Или тебя действительно серьезно приложили. Тебя еще не приняли, а ты уже лезешь со своими ценными советами. Может, по их меркам, чем страшнее трупень, тем лучше! Останутся только самые крепкие!

Я промолчал, но в чем-то Рум прав. Может быть, при ударе пострадала та часть рассудка, что отвечает за выдержку? Любопытно, не задеты ли другие области? И как это выяснить?

За ужином Нарв, гоблин, подлил масла в огонь.

– Ты ведь знаешь, кем был Ларнис Валерийский? – спросил он прямо.

Разговоры за столом тут же стихли, все делали вид, что заняты едой, а сами прислушивались. Всем было интересно, что я отвечу.

– Темный некромант и создатель запрещенных заклятий, – пожал плечами я.

Сказал так, будто мне известен весь жизненный путь Ларниса, хотя я знал лишь то, что рассказал мэтр Орто.

– Зачем ты взял его имя? Хочешь стать темным некромантом?

Я поймал несколько брошенных исподтишка взглядов.

– Еще скажи, что я хочу стать магом-отступником, – усмехнулся я.

Но по сердцу пробежал неприятный холодок. Откуда мне знать, чего я действительно хотел? О каком срочном деле я вспомнил и за что получил по голове? Может быть, дело не в банальном ограблении? Что если у кого-то были причины отправить меня на тот свет?

В ответ раздались неуверенные смешки, и я тоже улыбнулся. С этим не задалось, будто мышцы лица, отвечающие за широкую и искреннюю улыбку, давно не использовали. Ироничные усмешки, слегка приподнимающие уголки губ, давались куда проще. А сейчас, боюсь, вышел оскал. Одногруппники заморгали и отвели глаза: кто-то уставился в тарелку, кто-то на соседа.

Что они думали обо мне? Безымянный тип с провалами в памяти, оживляющий трупы по щелчку пальцев. Взял себе имя злодея. И выглядит так, будто сбежал из тюрьмы строгого режима. Отлично!

Но ведь кем бы я ни был раньше, теперь я другой человек и могу выбрать иную судьбу. Или не могу?

Я ел перловку с мясом и не чувствовал вкуса, и не только из-за охвативших меня сомнений. В блюде явно не хватало соли или другого важного ингредиента – сразу не разберешь. Но все съел, конечно. В звенящей тишине, царящей за столом. Странно, что не подавился.

– Да не собираюсь я становиться злодеем! – в сердцах воскликнул я. – Ну вы что!

И всех как-то сразу отпустило. Рум огрел меня по плечу:

надо понимать, проявил дружелюбие.

– Да оно и ясно! Просто ты, засранец, такой жутковатый: мороз по коже! Ты себя в зеркале видел?

– Видел, – кисло подтвердил я.

– Вот! Краше в гроб кладут. Ручаюсь, ты все годы просидел в подвале своего богатого родственничка, который объявил наследника состояния больным или помешанным и всю пользу пользовался твоими денежками. Но в тебе проснулись магические способности, и ты сбежал от дяди, прихватив немного денег, чтобы спрятаться в стенах Академии. А дядя подослал убийц... Похоже на правду?

– Где-то я эту историю слышал. Эту или подобную, – согласился я и не обманывал. – Будем считать, что так оно и было.

– То-то же! – подвел итог оборотень. – Тоже мне, великий некромант: у тебя еще и борода толком не растет.

Я потер щеку. Действительно, за несколько дней, что прошли после пробуждения, на лице не появилось и тени щетины. Досадно, я еще и самый младший в группе!

– Спокуха! – обнадежил меня оборотень, который, видно, гордился своей повышенной волосатостью. – Возьму над тобой шефство!

Когда после окончания вступительных испытаний я обнаружил себя в списке факультета кукловодов – а ведь до последнего надеялся на факультет теории и исследований, – Рум подждал меня в холле студенческого общежития с че-

моданом. Он уже нацепил алую мантию – знак принадлежности к боевому факультету. Я свою фиолетовую скатал и сунул в пустой мешок. Пока я не чувствовал воодушевления по поводу поступления на факультет ментальной магии. Та незнакомая синеглазая девчонка меня бы поняла. Как ее имя, интересно? Надо выяснить, раз уж нам предстоит учиться вместе.

– Так, Нис, комнату я нам уже занял! Будем делать из тебя человека! Сегодня с парнями идем в «Пивной дух» отмечать начало учебного года. Ты с нами!

Он не спрашивал, а утверждал. И энтузиазм в его голосе пугал меня сильнее, чем оживший «материал № 5».

Глава 5

Летиция

– Сегодня мы с одноклассниками идем в трактир, – сказала Руби. – Ты с нами?

Гнома кромсала огромными для ее роста ножницами старую желтую мантию: кто-то из второкурсников-артефакторов пожертвовал для малышки-первокурсницы поношенную накидку, чтобы та перешла ее для себя.

Я разбирала учебники, поэтому отозвалась не сразу. «Основы истории магии» – общий курс для всех факультетов. «Основы эмпатии» – звучит не так уж страшно. «Искусство ментальной защиты», которое на других специальностях идет спецкурсом, у нас обязательный предмет, так же как «Расы и народы нашего мира»: будущим дознавателям необходимо знать особенности всех разумных существ. А вот толстая книга, обтянутая черной кожей с надписью бронзовыми буквами «Введение в классическую некромантию», заставила сердце биться сильнее, а лоб покрыться испариной. Я раскрыла книгу на середине и прочитала название параграфа: «Создание боевого голема». Просто мороз по коже. А вот еще лучше: «Стадии допроса мертвеца как свидетеля». Я захлопнула книгу и убрала подальше: хватит на сегодня. Буду привыкать постепенно.

– Пойдешь с нами? – Гнома так и не дождалась ответа и

спросила снова.

Я покачала головой:

– Нет, не могу. Я еще должна отдать деньги за этот семестр, поэтому решила не тянуть: уже сегодня выйду работать посудомойкой.

Я никогда не проводила вечеров в компании друзей или просто приятелей. Да что там, у меня и хороших знакомых-то не было. Не считать ведь хорошими знакомыми вечно недовольных кузин, для которых я была чем-то вроде удобной в хозяйстве вещицы. А если вещица будет недостаточно расторопна, то можно ее и за косичку дернуть. Но лучше всего ее вовсе не замечать... Ведь с половой тряпкой или шваброй никто не беседует.

Подумаешь, вечеринка для поступивших! Я без нее жила и дальше как-нибудь проживу. Но почему-то сделалось немного грустно.

– В «Пивном духе» ожидают наплыва посетителей, – сказала я. – Обещали неплохо заплатить!

– О, а мы как раз туда и собрались! Я, Рум... помнишь, я рассказывала? Тот самый оборотень, который спас меня от разбушевавшегося козлищи. Нарв. Дриада Лули. Может быть, еще кто-то присоединится. Да, точно, Рум хотел захватить с собой Ниса.

– Безымянного? – встрепенулась я.

– Да, они с Румом теперь соседи по комнате. Слушай, раз ты сегодня в трактире работаешь, значит, увидимся.

– Ага...

Ни за что не выйду к однокурсникам в фартуке и косынке, с мокрыми распаренными руками! Хотя на Ниса поглядеть вблизи очень хочется. Особенно после рассказа Рубеллы о том, как проходило испытание на факультете кукловодов.

Я оставила гному подшивать мантию и готовиться к вечеринке, а сама собралась и отправилась в «Пивной дух». Трактир находился неподалеку от ворот Академии, но, в отличие от кофейни «Тучки небесные», цены здесь не кусались, а еда была сытной и вкусной. Наверное, поэтому студенты облюбовали трактир с просторными залами, с широкими дубовыми столами, за которыми можно было не только трапезничать: владельцы сквозь пальцы смотрели на то, что будущие маги иногда засиживались допоздна. Они играли в карты, балагурили, переписывали друг у друга конспекты. И, конечно, заправлялись слабым светлым элем, который подавали с копчеными свиными ушками, орешками и сухариками.

Я пришла рано – в трактире не было никого, кроме компании незнакомых артефакторов-третьекурсников. Они скромно сидели за длинным столом у стены и оживленно переставляли по расчерченному полю фигурки, вырезанные из дерева. Некоторые клетки вспыхивали огнем, другие прошивали молнии, из третьих вдруг поднимался рой жужжащих ос. Иллюзии, конечно, но как настоящие! Ясно, ребята готовились к сдаче зачета по стратегии – подтягивали хвосты с

прошлого года.

– Летиция?

Ко мне вышла хозяйка трактира – симпатичная женщина средних лет. Я кивнула.

– Ты вовремя. Пойдем, я покажу тебе твое рабочее место. – Она улыбнулась. – Не боишься тяжелой работы?

Тяжелой работы? Я едва не рассмеялась. По сравнению с тем, чем мне приходилось заниматься в доме тетушки, работа посудомойки просто семечки!

На плите грелся чан с водой. В кувшинчике – серое жидкое мыло, на полке – стопка полотенец. Дело нехитрое.

Я получила фартук, чепчик, закатала рукава и приступила к работе. Посуда постепенно прибывала: подавальщицы собирали ее со столов и стопками ставили на лавку рядом со мной.

Объедки в корзину для свиней – шмяк! Грязные тарелки прямо в воду – плюх! Ветошкой, смоченной в мыле, – шлеп! И так до бесконечности: шмяк, плюх, шлеп! Шмяк, плюх, шлеп! Голова кругом. Я потеряла счет времени.

Когда кухонная дверь открывалась, до меня долетали голоса, веселый смех и треньканье струн. Студенческая вечеринка была в разгаре.

Я сдувала со вспотевшего лба выбившиеся из-под косынки пряди, секунду-другую разминала затекшие плечи, поднимала глаза к потолку с разводами копоты и снова принималась за дело.

– Летиция! – Голос хозяйки сбил привычный ритм. – Будь добра, помоги собрать посуду, девочки не справляются.

Я вздохнула, вытерла руки о фартук и пошла в зал. Шагнула за порог и будто попала в другой мир: так шумно, дымно илюдно здесь было. Все говорили разом, смеялись. Стучали вилками и кружками. И повсюду – разноцветные мантии: желтые, алые, зеленые, синие, фиолетовые... Я могла бы сейчас быть рядом с ними!

Нет, не могла бы... У меня нет ни денег, ни времени на веселье.

«Ничего, завтра я надену свою мантию и пойду на занятия! Я одна из них!» – подбодрила я себя и отправилась собирать посуду.

Сначала нагрузила на поднос гору мисок, так что они, вложенные друг в друга, опасно покачивались, рискуя свалиться на пол, и лишь потом сообразила, что смотрю прямо на Рубеллу, сидящую на стуле на горе подушечек. Справа от нее восседал широкоплечий оборотень в алой накидке, наверное, тот самый Рум. Выглядел он внушительно. Слева расположилась изящная хорошенькая девушка – дриада Лули. Она ничего не ела, только пила воду.

Ни гнома, ни Рум, ни симпатичная дриада, вообще никто из сидящих за столом не обратил на меня внимания: они были заняты разглядыванием светловолосого затылка студента в фиолетовой мантии. А кое-кто даже ощупывал, запустив пальцы в отросшие пряди.

– Не, шрам, конечно, ощущается! – заявил Нарв. – Но его почти не видно – тонкая полоска. Отлично залечили. Декан зеленых человечков – молодец!

– Эй, я бы попросил! – возмутился первокурсник в зеленой накидке. – Декан целителей.

Только теперь я поняла, что они рассматривают шрам на голове безымянного студента, который наконец снял повязку. Я, стоя у края стола, не заметила и следа раны: подлечили на славу.

Вскоре и сам Ларнис – такое он придумал себе имя – обернулся и пригладил взъерошенные волосы. Тот самый парень, которого я встретила у списка поступивших: я его сразу узнала. А он узнал меня.

– Ну привет, коллега, – поздоровался он.

Тут и все остальные посмотрели на меня.

– О, Лети! Ребята, это Лети, моя соседка! Она сегодня подрабатывает здесь!

Я улыбнулась.

Я давно научилась улыбаться малознакомым людям. Обычно в ответ на улыбку замарашки в залатанной одежде я не получала ничего кроме кислой мины и настороженного взгляда: люди ждали, что я начну попрошайничать.

Но за столом сидели Руби и этот светловолосый парнишка, который назвал меня коллегой. И я улыбнулась. Вот дура.

Хорошенькая дриада Лули смерила меня холодным взглядом и кончиком пальца подтолкнула в мою сторону пустой

стакан.

– Так пусть тогда идет и работает, – процедила она. – Ее сюда никто не звал!

Я взяла поднос, опустила голову и побрела на кухню. Туда, где тихо, безопасно... и так одиноко.

Шмяк, плюх, шлеп! Я думала о радужных пузырях, плавающих в воде. О том, что мыло пощипывает кожу. О том, что завтра в расписании первым предметом стоит введение в классическую некромантию, и это меня пугало. Но лучше размышлять об этом, чем вспоминать улыбку победительницы на губах Лули. Когда я успела перебежать ей дорогу?

– Просто ты очень красивая, – произнес кто-то за моим плечом.

Я ойкнула от неожиданности и едва не уронила скользкую миску, но ее тут же подхватила чужая рука. Ларнис? Вот уж кого я не ожидала увидеть!

– Осторожно! – сказал Безымянный. – Только порезаться не хватало.

В другой руке он держал тарелку с пышными чесночными булочками – от одного взгляда на них потекли слюнки. Он деловито отодвинул меня в сторону, протянул тарелку:

– Ешь давай, наверняка голодная.

Засучил рукава и неумело подхватил тряпку. Чувствую, посуду ему приходилось мыть нечасто. Я только ошалело хлопала глазами. Что происходит? Ларнис собирается под-

работать посудомойкой вместо меня? А как понимать его высказывание о моей красоте? Если, конечно, оно мне не померещилось.

Я вгрызлась в румяный бок булочки, чтобы занять рот и не наболтать лишнего.

– Я знаю таких, как Лули, – обронил Ларнис как бы между делом. – Она хочет быть единственной королевой, а в тебе она почувствовала угрозу. Ты красивая и очаровательная.

– Ого! – буркнула я, едва не подавившись куском сдобы и с трудом протолкнув его в горло. – Это комплимент?

Ларнис говорил таким серьезным тоном, что я не понимала: он шутит или пытается меня поддержать? Или что?

– Это не комплимент, это факты, – сообщил он без тени улыбки.

Ну спасибо за разъяснение! Вот только теперь я окончательно смутилась.

– Булочку будешь? – спросила я, чтобы как-то прервать затянувшееся молчание.

Хотя Ларнис вроде им не тяготился: неторопливо тер тарелки, ждал, пока я перекушу. А я от растерянности начала чудить: сунула булочку прямо ему под нос.

– Кусай! Я подержу!

Ларнис откусил, но слегка поморщился, будто булка не очень-то ему понравилась.

– Невкусно?

– Слишком пресная, – подтвердил он мою догадку. – И в

то же время горькая. Не знаю... По-моему, гадость еще та!
– Сама съем!

«Да ты привереда!» – подумала я про себя.

Взобралась на краешек стола, неторопливо жевала и смотрела, как Ларнис моет посуду. Он орудовал тряпкой все более уверенно, но дело было не только в этом...

Я уже наслушалась всяких сплетен и разговоров о безымянном студенте. Слухи множились и обрастали невероятными подробностями. Говорили, что бедняга провел все детство и юность в подвале: его посадил на цепь родной дядька. Но хотя Ларнис был действительно невероятно бледен, до синевы под глазами, вряд ли он на самом деле вырос в застенках. Может, болел? Или какое-то время провел в тюрьме? А если да, то что он совершил? Может быть, он обманывает, что ничего не помнит, чтобы скрыть неудобную правду?

Хотя мне не верилось, что мой ровесник – вряд ли Ларнису больше восемнадцати – мог совершить что-то ужасное.

Руки, обнаженные до локтя, у него были крепкие, натренированные, при всем его стройном телосложении. Широкие плечи, ровная спина – он не сутулился даже сейчас, наклонившись над чаном с мыльной водой. Он забыл, кто он и откуда, но тело не обманешь: оно не привыкло кланяться. Ларнис из тех, кто и головы лишний раз не наклонит. Не знаю, заметил ли это кто-нибудь, кроме меня: таким, как я, с детства приходится быть наблюдательными и обращать

внимание на любую мелочь, это очень помогает выживать. Так что наш безымянный студент, скорее всего, благородного происхождения.

Но где он успел накачать мышцы? Махал мечом? Вряд ли. Если бы он не был человеком, я бы решила, что это врожденная особенность. Представители некоторых рас всегда выглядят так, будто каждый день таскают камни и по сто раз отжимаются от пола. Вот Рум, например, сам по себе гора мускулов, ему и делать для этого ничего не надо. Но Ларнис – человек...

Я сидела так близко-близко, что видела каждую черточку его лица. Опущенные ресницы, сосредоточенно сведенные к переносице брови – Ларнис так вдумчиво мыл эти несчастные тарелки, словно готовился по меньшей мере к сдаче зачета.

Я хихикнула. Он вскинул взгляд. Серо-зеленые глаза на миг будто засияли. «Глаза мага» – так говорят про это необычное свечение, от которого радужка кажется гораздо ярче. Когда мы станем выпускниками, у нас у всех будут такие глаза. Но неужели у Ларниса столько силы, что она прорывается наружу уже сейчас?

– О, Летиция, я смотрю, ты помощником обзавелась? – воскликнула подавальщица Фира.

Она притащила новую партию посуды, а я как раз успела доесть булки и спрыгнула на пол.

– Дальше я сама, Нис. Можно тебя так называть? Иди. Те-

бя, наверное, уже заждались.

Удивительное дело: мы сказали друг другу всего несколько слов, а казалось, будто знакомы давным-давно.

Или я, как одинокая собачонка, готова бежать за каждым, кто почешет за ушком и кинет косточку? В смысле – принесет чесночные булочки и неловко утешит?

Я шутя попыталась отобрать у Ниса тряпку, но он замешкался и не отдавал. Замешкался, потому что внимательно рассматривал меня. Мы стояли нос к носу, молча и вяло боролась за мыльную ветошку, с которой капала вода прямо нам на ноги. И глядели друг на друга. Не знаю, что видел он... Я видела симпатичного паренька, которому, похоже, тоже непросто пришлось в жизни. И неважно, какого он происхождения. Он до сих пор был бледен, но эта бледность даже придавала ему очарования. А его глаза с каждой секундой сияли все ярче, пока окончательно не вскружили мне голову...

Я качнулась вперед и поцеловала его в губы...

Это я-то! Я ведь прежде и за руку ни с кем не держалась! Весь мой день с утра до вечера занимала стирка и уборка. Как-то мы обменялись улыбками с сыном пекаря, когда тот заворачивал для меня хлеб, – вот и вся романтика.

Что же я натворила! Что он подумает обо мне!

И пусть поцелуй вышел совсем невинным – лишь мимолетное прикосновение, но и мига хватило, чтобы я ощутила жар его губ и то, как он задержал дыхание... Может, от меня

чесноком воняет?

Какой стыд!

Я готова была провалиться сквозь землю. Теперь либо бежать куда глаза глядят, либо начать оправдываться, либо...

Неожиданно решение нашлось само.

– Спасибо за то, что помог, – мило улыбнулась я, и даже голос не дрожал.

Да, вот так. Это лишь поцелуй благодарности. Всем известно, что у жителей бедных городских районов простые нравы. Это такое «спасибо», да!

– Мне было не сложно, – спокойно ответил Ларнис.

Даже не сконфузился! Выходит, его мой поцелуй совсем не тронул...

О чем я думаю? А-а-а-а!

Я поскорее отвернулась к чану с водой, чтобы Безымянный не заметил выражения моего лица, и принялась с остервенением тереть стакан. Ларнис постоял-постоял и ушел...

Глава 6

Ларнис

Ну и вечер выдался! И хотя сначала я не хотел идти на вечеринку, теперь рад, что поддался на уговоры.

– Вы все знаете нашего выдающегося кукловода, – так представил меня Рум и снисходительно положил ладонь мне на плечо. – А кто не знает, тот наслышан.

Тут он выразительно посмотрел на дриаду и студента в зеленой мантии, которые проходили испытания в других группах.

– Какой хорошенький, – промурлыкала дриада на ухо Рубелле.

Но промурлыкала так, чтобы все услышали.

– Ларнис, это очаровательное и бесцеремонное создание зовут Лули. Рядом с ней будущий целитель – Тим. С Нарвом и Руби ты знаком. А теперь да начнется пир!

К нашему приходу стол уже ломился от яств – недорогих и сытных, вроде гренок со шкварками, свиных ушек в соусе, куриных крыльев, чесночных пышек. В центре на почетном месте стояли кружки эля с пенными шапками. Парни накинулись на еду так, будто месяц не ели. У меня аппетита не было.

– Ты чего не ешь? – невнятно спросил сосед по комнате, не вынимая изо рта крылышка. – Жуй давай, а то и так на

умертвие похож!

Покоя он мне не даст. Я взял горсть соленых орехов. Мы с грохотом сдвинули кружки, эль выплеснулся на стол, на руки, но это никого не смутило. Гнома Руби ради такого случая привстала, балансируя на горке подушек: их держали в трактире как раз для клиентов небольшого роста.

– Мы студенты, ребят, мы студенты! – заорал Рум. – Вы только вдумайтесь! Мы станем магами! Ура!

– Ура-а-а! – подхватили все.

И я в том числе. Хотя, признаюсь, я пока не чувствовал воодушевления. Я поступил, и, наверное, я хотел этого, иначе бы не приехал в академию Кристалл. Но как я видел свое будущее, на какую специальность мечтал попасть? Что если память никогда ко мне не вернется?

– Нис, о чем задумался? – спросила Лули.

Я пожал плечами: говорить не хотелось.

– Ребят, не обращайтесь внимания. Наш Ларнис немного пристукнутый.

– Я бы сказал – много! – хохотнул Нарв.

– Да я не про то, – отмахнулся Рум. – Он у нас слегка малахольный. Ведет себя как старый дед ста пятидесяти лет. Вон, взгляните-ка на него – взирает свысока и поджимает губы.

Все тут же уставились на меня. И вовсе я не поджимал губы и не смотрел высокомерно! Просто я, видно, не из тех, кто дает волю чувствам.

– А все потому, что он вырос в подвале! – наставительно сказал Нарв, погрозил мне пальцем и икнул.

Даже слабый эль очень быстро действует на гоблинов.

– Нарв, я бы советовал тебе идти спать. Завтра на занятия.

Однокурсники переглянулись и захохотали.

– А я о чем говорю! – сказал Рум. – Ну ничего, мы сделаем из этого заучки человека!

Он притянул меня за шею и обвел широким жестом полутемное, дымное помещение.

– Ты посмотри! Жизнь только начинается! Молодость! Студенческое братство! Бессонные ночи! Безумства!

– Учеба? – Я приподнял бровь. – Зачеты? Курсовые?

– М-да, вижу, работы по превращению тебя в нормального студента предстоит больше, чем я предполагал.

И на правах старшего Рум бесцеремонно взьерошил мне волосы.

Может, и правда стоит расслабиться и просто жить дальше? А какие у меня еще варианты, в общем-то?

Мы пили, ели и общались. Вернее, я в основном слушал, почти не ел и мало пил, но на это уже никто не обращал внимания. Вспоминали забавные моменты со вступительных испытаний. Мое триумфальное оживление учебного материала №5 пересказали три раза – с трех точек зрения. Лули и Тим выспрашивали подробности победоносного козлиного галопа и сгибались пополам от смеха.

– Очень смешно, – ворчал Нарв, когда Рум напомнил о

порванных брюках гоблина. – Надо мне с Ниса, кстати, потребовать монеты за моральный ущерб! И на новые штаны!

– Угомонись! – Рум щелкнул гоблина по лбу. – Ему и так деньги всем миром собирали. У тебя только штаны дырявые, а у него – голова! Кстати, Нис, ты не поторопился снять повязку?

– Все зажило, – коротко ответил я, надеясь избежать всеобщего внимания, но было поздно.

– Покажи! – потребовала Лули.

В разгар разглядывания и ощупывания моей многострадальной черепушки пришла Летиция. Глупее ситуации и придумать нельзя.

Рубелла упоминала о соседке, с которой ей предстоит делить комнату. Я только не думал, что Летиция и темноволосая незнакомка с голубыми глазами, с которой я перекинулся парой слов у списка поступивших на факультет кукловодов, – одна и та же девушка, но сразу ее узнал.

– Ох, кошки-поварешки, она такая забитая, бедняжка! – Так Руби рассказывала о Летиции. – Тетка ее всю жизнь гнобила, использовала как служанку в доме, а потом решила сбагрить замуж за какого-то отвратного типа. Но тут уж у Лети, при всей ее покорности, пригорело! Она недомуженьку шарахнула в лоб магией и сбежала в Академию.

– Молодец, наш человек! – похвалил Рум, цапнув очередное крыло с блюда.

Куда в него помещается?

– И все-таки она очень тихая, – вздохнула Руби. – Чуть что – сразу закрывается.

– Фу, не люблю рохлей. – Лули брезгливо наморщила нос.

– Легко судить о чужой жизни, не пережив то, что пережила Летиция, – сказал я.

Рум закатил глаза.

– Налейте ему скорее еще эля! Да что ты за зануда, брат?

Я не ожидал, что увижу Летицию уже через несколько минут после того, как узнал о ней. Услышал звяканье посуды, обернулся и увидел ту самую девушку, которую так расстроило зачисление на факультет кукловодов.

Сейчас, из-за того, что темные волосы скрывала косынка, синие глаза казались еще больше и беззащитнее. Она смотрела на нас настороженно, будто была вовсе не рада, что мы обратили на нее внимание.

Как я тебя понимаю, Лети.

Лети... Так назвала ее Рубелла. Славное имя. И девчонка славная. Тоненькая и хрупкая. В каждом ее движении сквозила врожденная грация, а она наверняка и не догадывается о том, что выглядит так, словно аристократку шутки ради переодели в костюм посудомойки.

– Ну привет, коллега, – поздоровался я, чтобы немного ее подбодрить.

И Летиция улыбнулась. Улыбка сделала ее милое лицо еще очаровательнее. Дичайшая глупость, но я вдруг поймал себя на мысли, что хочу почаще видеть ее улыбку, а не опу-

ценные уголки губ. Она не привыкла улыбаться. В этом мы похожи...

Тут Лули показала себя во всей красе.

– Ее сюда никто не звал! – сказала она

Мы все так опешили от ее грубости, что сразу не вмешались, а потом было уже поздно: Летиция подхватила поднос и скрылась из вида.

– Лули, ты злыдень-травы объелась, что ли? – Гнома постучала себя по виску.

Лули молчала и, покусывая губы, смотрела на меня. Я встал, взял тарелку с чесночными пышками – единственное, что оставалось не съеденным и не надкусанным на праздничном столе.

– Нис, ты куда? – спросила дриада, но ответа не дождалась.

Я боялся, что застаю Летицию в слезах, но она, хоть и выглядела грустной, дела не бросила. Нет, Лули, ты не права насчет нее: рохли так себя не ведут. У этой девочки есть стержень. Кто бы ни решал вопрос о зачислении ее на факультет ментальной магии, он не ошибся с выбором.

Я лишь хотел поддержать ее, но тут мой ушибленный мозг вздумал дурить.

– Просто ты очень красивая, – услышал я свой голос.

Отлично, Нис! Так держать! Она тебя о чем-то спрашивала? Неудивительно, что Лети от неожиданности подпрыгнула на месте и выронила миску, – я едва успел поймать.

Лети обрадовалась булочкам, засияла. Как же тебе нелегко пришлось в жизни, девочка, если радуется даже такая малость? Я вдруг подумал, что мне ничего не стоит иногда делать ей маленькие подарки лишь для того, чтобы увидеть, как она улыбнется, как смущенно дрогнут ресницы.

Стоит ли считать помощь подарком? Или подарком будет несколько минут отдыха, когда можно перекусить и распрямить уставшую спину? Во всяком случае, от такого подарка Летиция точно не откажется, я просто не дам ей возможности.

Что же, события вечера привели меня к трем новым открытиям о себе. Первое: я человек прямой и говорю правду в глаза. Я на самом деле видел перед собой красивую и очаровательную девушку. И так же ясно понял, что Лули, которая привыкла, чтобы ею восхищались, просто приревновала.

Второе: хм... я совершенно не умею мыть посуду.

О чем это говорит? О том, что я богатый наследник, или о том, что в кандалах посуду мыть несподручно?

И третье, неожиданное: терпеть не могу чесночные пышки. Дрянь невероятная. Но Летиции они вроде понравились.

подавальщица принесла новую партию посуды, Лети поела и спрыгнула со стола. Нужно уходить, а я бы с радостью задержался. С Летицией можно просто молчать, не изобретая темы для разговора. И не изображать из себя веселого студента, когда в груди пустота. Но я не видел повода остаться.

Вода с мыльной тряпки лилась мне на ноги, а я смотрел на Лети. И думал... о разном.

Была ли у меня девушка? Вряд ли, разве что какая-нибудь совсем детская влюбленность. Держал ли я ее за руку? Сейчас, когда мы с Летицией устроили борьбу за обладание ценным призом – мыльной тряпкой – и наши руки в опасной близости, можно ли считать, что я держу ее за руку?

И совершенно немыслимо представить, что я целовал кого-то. Или меня целовали.

«Поцелуй меня», – подумал я.

Ведь нет ничего плохого в том, что я, глядя на хорошенькую Лети, мысленно произнес эти слова. Мало ли чего я хочу. Желания обычно сбываются только в воображении.

Но тут Летиция будто замороженная качнулась вперед и поцеловала меня.

Это уже потом я понял, что такие поцелуи там, где она выросла, считаются чем-то вроде «спасибо», а в тот момент сердце пропустило удар.

Я чувствовал нежное дыхание Лети. Она так сладко пахла. Ее аромат я ощущал сильнее запахов кухни, мыла и даже чесночных пышек. Больше всего мне хотелось ответить на поцелуй, но она завершила его раньше, чем я успел что-то сообразить. Моргнула и выпалила слова благодарности.

Ладно, Лети. Теперь мне еще больше хочется тебя порадовать, если в награду вместе с улыбкой я получу еще один поцелуй.

И в то же время меня мучило чувство вины. Хотя почему бы? Я никак ее не принуждал, и когда принес пышки, и когда мыл посуду, я ни на что не рассчитывал.

Я смотрел на затылок со сбившейся косынкой. «Хочешь, я останусь, Летиция? Не думаю, что ребята меня хватятся, а если и так, они поймут, что в обществе синеглазой посудомойки мне интереснее, чем с ними!»

Но вслух я так ничего и не произнес.

Когда я вернулся, за столом оставались лишь Рум, Лули и Рубелла. Нарв все-таки сдался и отправился спать, а Тима перетасили за соседний стол. Обьедки еды были свалены на одно блюдо, эля в кружках оставалось на доньшке.

Рум побултыхал одной кружкой, другой, а потом махнул рукой и слил все остатки в одну. Оборотень тоже слегка перебрал, поэтому перестал контролировать вторую ипостась. На затылке топорщилась серая шерсть, уши заострились, а длинные клыки стучались об ободок кружки. Руби дремала, рискованно свесившись со стула. Только Лули выглядела безупречно, она со скучающим видом рисовала на столешнице узоры каплями воды.

–Куда ты пр-ропал? – рыкнул Рум.

– Стоило спрашивать, – бросила Лули. – Ублажал посудомойку, конечно.

– Лули! – Рубелла встрепенулась и подняла голову. – Хватит уже вредничать!

Дриада демонстративно отвернулась. Рум допил эль,

сгрыз куриную кость – да, ему сейчас было уже все равно, что отправлять в рот, а острые зубы справлялись с любой пищей – и потянулся.

– Ну что, пора уходить!

– Идите, – согласился я. – Я задержусь немного.

– Будет ждать посудомойку, – фыркнула Лули.

Четвертое открытие этого вечера: парню за такие слова о Летиции я бы просто врезал по морде, но я не находил способа осадить наглую девчонку. Ответить грубостью на грубость? Как-то недостойно мужчины. Остается игнорировать.

– А давайте вместе подождем! – предложила Рубелла. – И вместе домой пойдем. Только давайте на свежем воздухе постоим: меня сон одолевает.

На воздухе все взбодрились. Рум вернул себе приличный вид, задумчиво потрогал клык, который теперь стал не длиннее человеческого, и сказал:

– Предлагаю устроить посвящение в студенты!

– А как, а как? – заинтересовалась Руби. – А давайте!

Ну что за крошечная авантюристка! Лули зевнула. Отлично, двое против двух, и мы не вяжемся ни в какую опасную затею.

– Я против, – сказал я.

– А я – за! – выпалила дриада.

– Ты ведь не бросишь девчонок, а? – подмигнул мне Рум. – Сейчас дождемся Летицию и пойдем.

– Куда пойдем?

Чувствую, добром это не кончится, но Рум прав, не бросать же мне их одних. Именно после таких шумных вечеринок и случаются несчастья. А я вроде как мыслю вполне ясно и не дам ребятам вляпаться в неприятности.

– Мне парни со второго курса рассказали, что настоящим студентом становишься только после того... – Рум загадочно понизил голос, и мы, не сговариваясь, сбились в кружок вокруг него. – После того, как посетишь дом ректора.

– А... – начал я.

«А что с ним не так?»

– Тш-ш-ш! – цыкнул мне Рум. – Дом ректора стоит в глубине парка, ставни заколочены, и лишь ночью видно, что в щели пробивается свет. И видно, как темная тень ходит по комнатам!

– Ой! – пискнула Руби где-то в районе моего колена.

Я подхватил гному на руки, она тряслась, но вовсе не от страха, как я было подумал, а от предвкушения.

– Ой, как интересно! А что, он там заперт? Он по ночам превращается в чудовище? А как же он руководит академией?

– Он болен, не выходит из дома, документы на подпись ему приносят помощники, и они же докладывают обо всем, что происходит. Вот и все, никакой зловещей тайны, – пересказал я то, что узнал от мэтра Орто.

Но версия Рума девочкам нравилась больше.

– Дом окружен защитным полем, – продолжал Рум злове-

щим шепотом, – И только самые сильные студенты смогут преодолеть его и дотронуться до ручки двери! Но бойтесь, если внутри дома прозвенит колокольчик, значит...

Мы затаили дыхание. Я тоже. Вот же умелец рассказывать страшные истории!

– Значит... Ректор увидел тебя! – заорал Рум.

И мы тоже заорали и отскочили в стороны. Я едва не сбил с ног Летицию, которая, оказывается, давно стояла за нашими спинами и прислушивалась.

– О светлые боги, – пробормотала она, прижав ладонь к груди. – Что здесь творится?

– Мы идем к дому ректора! – закричали все в один голос.

И я вместе с остальными. Чувствую, Рум все-таки превратит меня в разгильдяя.

Глава 7

Летиция

Я не знала, что территория Академии такая огромная. До сегодняшнего дня мой маршрут пролегал между общежитием, столовой и учебными корпусами. Все эти здания окружал парк, но здесь он был ухоженный, светлый. На аллеях стояли скамейки, по вечерам горели фонари.

Однако если оставить позади павильоны и стадион, обойти озеро, то попадешь в неухоженную и дикую часть парка, где дорожки заросли травой, а ветви деревьев переплелись между собой.

Чем дальше мы шли, тем неуютнее мне становилось. И не только мне: сначала все болтали и смеялись, но постепенно голоса делались все глуше. Рум сменил ипостась и посадил гному себе на загривок. Мы сбились в тесную кучку, жались друг к другу, как перепуганные дети. Ларнис шел рядом со мной, его рука почти касалась моей.

– Это лишь игра, – шепнул он.

– Ага...

Лишь игра. Вот только сейчас в звенящей ночной тишине наша глупая затея не казалась такой уж забавной.

– Почему он заперся в доме? – спросила я, когда стало невыносимо слышать наше быстрое дыхание и хруст веток под ногами. – Ну, ректор.

– Да кто же его знает, – откликнулась Руби, которая тоже обрадовалась возможности поговорить. – Еще несколько лет назад он не был затворником. Принимал студентов, разгуливал по кампусу запросто, все могли его видеть.

– Какой он? – спросил Ларнис.

Рубелла ответила не сразу, наверное, пожимала плечами, но потом сообразила, что ее жеста в темноте никто не разглядит.

– Те, кто видел, давно закончили Академию и разъехались, а новенькие не знают, даже старшекурсники.

– А преподаватели? – удивилась я. – Они-то должны знать.

– Попробуй спроси их об этом, – откликнулась Лули недовольным тоном. – Я пыталась, а в ответ получила: думайте лучше об учебе, Лулиана. Это вас не касается, Лулиана. И все в таком духе.

– Это очень странно, – проворчала Руби.

– Думаю, в этом нет ничего странного, – сказал Ларнис. – Насколько я понял, ректор уже очень давно стоит во главе академии, а старость никого не щадит. Может быть, он руководит лишь номинально. Его уважают и любят и в счет прошлых заслуг не могут сместить с должности. Он доживает свой век в уединении, а защитное поле поставили от таких дуралеев, как мы, чтобы желающие пройти посвящение в студенты не мешали ему спать спокойно.

Версия Ниса звучала разумно, страх отступил, и мне даже стало жалко этого несчастного старикана.

– А сколько ему лет?

– Да уж под сто, – откликнулась Руби.

– Ого, ничего себе!

– Разваливается, поди, на части, – хмыкнула Лули. – Люди такие недолговечные создания.

– А он человек? – продолжала выпрашивать я.

– Ну, вроде, да, – неуверенно сказала Рубелла. – Похоже, доподлинно известно лишь его имя.

– И как его зовут?

– Мэтр Ви’Мири.

– Хм... Аристократ, значит.

– Вот он! – перебил Рум, вернув человеческий облик.

Я первым делом подумала, что оборотень говорит о ректоре. Вздогнула и огляделась. Но он, оказывается, увидел дом, который неожиданно выступил из сумерек. Слухи не обманывали: ставни наглухо закрыты, двери заперты, лишь в окне на втором этаже сквозь щели пробивается слабый свет. У крыльца зарос сорняками заброшенный палисадник. Должно быть, когда-то он был красивый: даже теперь в сорной траве виднелись яркие астры.

«Что же случилось с тобой, мэтр Ви’Мири?» – подумала я с грустью.

Хотя и так понятно что: возраст. Однажды ректору стало тяжело ухаживать за цветами, потом преодолевать расстояние между уединенно стоящим домом и главным корпусом академии, где располагался его кабинет, а потом и путь со

второго этажа превратился в приключение. Наверное, днем приходят служанки, готовят еду, прибирают в доме, а ближе к обеду помощники приносят документы на подпись, и ректор выводит свою фамилию дрожащей старческой рукой.

– Печальное зрелище, – сказал Ларнис. – Давайте оставим старика в покое и вернемся в общагу.

Руби и Лули неуверенно переглянулись, готовые сдать, но отговорить Рума оказалось непросто. Он-то наверняка придумал историю об опасностях и ловушках и представлял, как завтра на занятиях станет хвастаться перед однокурсниками.

– Да что вы кукситесь! Никто вашего разлюбезного ректора не побеспокоит. И, чтобы вы знали, он маг высшего уровня, такого поди обидь! Вот спорим, тут такая защита стоит на доме, что и до крыльца никто из вас не дойдет!

– Из вас? – уточнил Нис, приподняв бровь.

– Ну да! – Рум и глазом не моргнул и не устыдился ни капли. – Я-то дойду!

– Он тебя берет на слабо, – сказала Лули.

– Что это только его! Я всех беру! – сознался Рум. – Ну, давайте! Кто дойдет до дома и коснется перил, того все по очереди угощают ужином в таверне.

Мы переглянулись.

– Ладно, почему не попробовать. Мы все равно уже здесь, – холодно согласился Ларнис.

– Только блюда я стану заказывать сама! – добавила Лули.

Руби кивнула, и я тоже. И вовсе не из-за дармового ужина, а потому что не хотела снова оставаться одна. Вместе так вместе.

Рум потер руки и положил поперек тропинки, ведущей к крыльцу, длинную ветку, отметив линию старта.

– На счет три!

Я покосилась на окно второго этажа: не заметно ли движение? Что если ректор уже давно наблюдает за нами и готовится наслать кару на наши глупые головы? Но ставни по-прежнему были заперты.

– Раз! Два!

Мы встали наизготовку, точно бегуны на ярмарке, которые боролись за петуха или расписной пряник.

До потемневших от времени деревянных перил было рукой подать: тридцать-сорок шагов. Я всегда быстро бегала. Научись, пожалуй, когда вокруг так много желающих запустить в тебя гнилым помидором или гадким словом... Я очень хотела победить. Зачем? Сама не знаю. Утереть нос гордецу Руму? Показать Ларнису, что я молодец? Чтобы он... Что? Похвалил меня? Дружески хлопнул по плечу? Поцеловал?

От мысли о поцелуе закружилась голова, а в груди сделалось жарко от стыда и от незнакомого сладкого томления.

– Три!

Мы рванули вперед, и я с самого начала на шаг опередила всех – говорю же, очень быстро бегаю. Я уже успела предста-

вить шершавую деревянную поверхность перил в своих ладонях, как ощутила, что перебираю ногами на месте. Я взяла в воздухе, как муха в меду: он стал густым и не пускал меня, хотя дышалось по-прежнему легко.

Я-то всего лишь застряла, а вот малютку Руби снесло назад, будто порывом ветра. Я, Ларнис, Рум и Лули побрели вперед, преодолевая сопротивление.

– Ага, – скрипел Рум, – я же говорил! Говорил! Защитный купол!

Мы шли примерно наравне. Но чем дальше шли, тем тяжелее было идти. К каждой ноге словно привесили по гире. Второй сдалась Лули.

– Тупая была затея! Я сразу не хотела участвовать.

Она отстала и вернулась к началу тропинки, где ее уже поджидала Руби.

Рум и Ларнис молчаливо перекидывались взглядами. И без слов было понятно, что они оба вошли в азарт. Оба хотели выиграть. Но и я, неожиданно для себя самой, тоже пока не сошла с дистанции.

Рум из нас самый высокий, мускулы бугрятся даже сквозь ткань: не просто так его взяли на факультет боевиков. Однако с каждым шагом он все сильнее сжимал губы. По лбу струился пот. Выходит, мышцы тут значения не имеют! Он шумно дышал, а потом зарычал и шлепнулся на колени.

Я, к своему удивлению, все еще брела к цели. Медленно, будто улитка, но очень упорная улитка. Ларнис шел чуть впе-

реди. До заветных перил оставался какой-то десяток шагов, когда я поняла, что силы закончились. Я вовсе не переживала по этому поводу – пусть победит достойный. Я была рада, что Нис обставит гордеца Рума.

Я остановилась, но Ларнис вдруг обернулся.

– Ну же, не сдавайся!

Я покачала головой: «Не могу...»

Тогда он подал мне руку.

– Пойдем вместе.

Я вцепилась в протянутую ладонь, чувствуя тепло и уверенную силу. Вместе! Вместе...

Задрала голову, опасаясь, что увижу приоткрытое окно и удивленное старческое лицо, но ректор либо спал, либо благоразумно решил не обращать внимания на студенческую возню. Особенно если учесть, что первокурсники каждую ночь устраивают «посвящение». Может быть, он даже установил в своей комнате звуконепроницаемую защиту, это было бы верным решением.

Мы дошли! Не разжимая рук, оглянулись и, не сговариваясь, помахали насупленному Руму, Лули, которая смотрела в сторону и делала вид, что наша победа ее не волнует, и Руби. Гнома радостно подпрыгивала и махала в ответ.

– Дотронься первый, – прошептала я. – Ты честно заслужил.

Ларнис улыбнулся краешками губ, кивнул и положил ладонь на перила. И в тот же миг его отбросила прочь неве-

ростная сила, распластала по траве. Она и меня задела краем. На миг почудилось, будто тысячи черных крыльев шумно бьют над головой, в этом плеске чудился шепот: «Умереть, умереть, умереть...» Душу затопило отчаянием и тьмой. Это было так неожиданно и страшно, что я закричала, присела на корточки и закрыла голову руками. Только потом услышала встревоженные голоса.

– Что там, Лети? – звала Рубелла. – Он жив?

– Ты как там, брат? – вопил Рум.

Лули молчала, но вытягивала шею, пыталась рассмотреть Ларниса.

Они не могли подойти: барьер не даст. Я же бросилась к Ларнису, лежащему навзничь. Теперь магия не удерживала меня, а наоборот, будто подталкивала в спину.

– Нис!.. Ой...

Тело Ларниса опутывали плотной сетью тонкие разноцветные нити – синие, желтые, красные, фиолетовые, зеленые. Что это? Заклятие? В первую секунду они были ярче, а теперь гасли, впитывались под кожу. Скоро они совсем исчезли. Нис пошевелился и застонал.

– Жив? – закричал Рум. – Ну ты даешь!

– Нис, ты как? – Я затрясла его за плечо. – Надо уходить!

Тут, будто в ответ на мои слова, ставни второго этажа закрипели и приотворились. Этот пронзительный звук в воцарившейся тишине прозвучал очень жутко, будто медленно приоткрылась крышка гроба.

– Нис, скорее! – пискнула я.

Ларнис, пошатываясь, поднялся на ноги, я подперла его плечом. Но надо отдать должное Нису, он старался идти сам и не виснуть на мне. Так мы доковыляли до ребят, а там уже Рум обхватил Ларниса поперек талии, вздернул на ноги.

– Быстро, быстро, – пробормотал он.

Не помню, как мы добежали до общежития, как ввалились в комнату парней, – все как в тумане. Рум сгрузил Ниса на кровать, но тот сразу сел.

– Я в порядке.

– Ничего странного не ощущаешь?

Хотелось верить, что переплетение нитей на его теле – это лишь временное заклятие: тряхануло хорошенько, чтобы неповадно было соваться впредь в дом ректора, и последствий не будет.

– Ничего не помню, – сказал Ларнис.

Увидел наши ошалелые глаза и усмехнулся:

– Но это со мной уже давно, расслабьтесь! Думал, если второй раз головой приложусь, что-то да прояснится... Однако, похоже, это так не работает.

Глава 8

Ларнис

– Наше первое занятие в этом семестре я начну с практики, – объявил нам мэтр Ригас.

В расписании был указан другой преподаватель, мэтр Аци, но учебный курс введения в некромантию открывал сам декан факультета кукловодов.

Все двадцать два студента-первокурсника нашего факультета толпились в подземном павильоне. Здесь было достаточно светло из-за мощных магических светильников, но все-таки душно. Я беспокоился за Летицию, время от времени смотрел на нее, и наши встревоженные взгляды встречались. Похоже, Лети тоже волновалась обо мне.

Глупая история вчера вышла. Глупейшая. А вот Рум с утра опечаленным не выглядел, наоборот, смотрел героем. Но вчера они испугались за меня. Это они еще не знают, что я планировал не дать им вляпаться в неприятности. Вот бы смеху-то было.

Перед тем как уйти к себе в комнату, Летиция несколько раз спросила, как я себя чувствую.

«Все нормально, Лети. Не считая того, что меня сжирает стыд!»

– Все хорошо! И перестаньте глядеть на меня как на умирающего. Думаю, не я первый, не я последний, кто отправил-

ся в полет с крыльца ректора. Отделался легким испугом и шишкой на голове.

– Ну правильно, тебе же мало шишек, – проворчал Рум. – Ладно, девочки, вам тоже выспаться не помешает! Давайте-давайте, по домам!

И тут у Лети пошла носом кровь. Я полез в карман рубашки за носовым платком, но, конечно, его там не нашел. Откуда бы ему взяться? Пока мы в замешательстве искали подходящую тряпицу, Рум оторвал полоску простыни.

– Ничего страшного, – невнятно пробормотала Летиция, прижав комок ткани к лицу. – У меня так бывает, когда разволнуюсь.

А разволновалась она из-за меня. Надо было после рабочей смены проводить ее домой, а не идти на поводу у Рума. Лети бы уже видела десятый сон, а не сидела сейчас на краешке кровати, бледная и уставшая. И на белой материи не атели бы пятна.

Мне так хотелось сесть рядом, обнять ее. Хотелось, чтобы она положила голову мне на плечо. Хотелось баюкать ее. Вдыхать ее сладкий запах. Держать ее прохладную руку. Касаться губами лба.

Почему меня так нестерпимо тянуло к этой хрупкой девочке?

Наши глаза встретились, и она робко улыбнулась.

– Вот это вечерок, да?

– Да...

Ужасный – и все же прекрасный, ведь сегодня я познакомился с тобой.

Пока однокурсники стояли в тесном пространстве учебного павильона и внимали словам мэтра Ригаса, я пропустил половину мимо ушей, бочком протискиваясь туда, где стояла Летиция.

– Ты как? – спросили мы одновременно.

Лети хихикнула, чем заслужила недовольный взгляд декана.

– Может быть, вы мне подскажете, Летиция, почему факультет, на который вы поступили, называется факультетом ментальной магии, а не факультетом некромантии, как это было раньше?

Лети задумалась, но василиск Арвил не дал ей ответить, выпалил:

– Некромантия считается темным магическим искусством. Большинство магов-отступников как раз некроманты. Новое название больше отражает назначение факультета: наши выпускники умеют не только разговаривать с мертвыми, но и читать мысли живых. И при необходимости заставить других слушаться приказов.

– Поэтому нас еще называют факультетом кукловодов, – мрачно напомнила эльфийка, одетая во все темное, помолчала и добавила: – Мне нравится.

– Факультетом кукловодом нас называют не только поэтому, – снова встрял Арвил. – Во время войны некроманты

поднимали убитых воинов и вели их за собой в сражение! Иногда исход битвы решало то, на чьей стороне сильнейший некромант.

– Отлично, Арвил, – похвалил василиска мэтр Ригас. – Вижу, вы интересовались историей факультета. Новое название, кстати, дал ему наш ректор. Это было много лет назад...

Декан обвел аудиторию задумчивым взглядом, который задержался на мне. Видимо, следующий вопрос предназначен для меня. Я кивнул. Декан закашлялся. Все-таки воздух в помещении спертый, надо проветривать чаще.

– Ларнис...

Я снова кивнул, мол, внимательно слушаю.

– Да, вы... Расскажите, в чем заключается основная работа дознавателя? В общих чертах.

– Призывать мертвых в свидетели. Поднимать их и разговаривать с ними.

– Верно. Во время учебы вы узнаете тонкости и опасности этой работы, научитесь допрашивать не только тех, кто умер день-два назад, но даже с теми, кого подняли из мертвых спустя неделю, а то и месяц. Это, конечно, высшая ступень, немногим доступная. Главное, помните, что ваша работа нужна и важна, в ней нет ничего стыдного.

– Ага, – раздался недовольный и подозрительно знакомый голос. – Вчера в столовой студент-артефактор сказал, что от нас, кукловодов, воняет мертвечиной.

Мы с Лети оглянулись.

– Лули!

Дриада расположилась у самого выхода, подпирала стену и делала вид, что в павильоне оказалась случайно. Но на ней была фиолетовая мантия, как и на всех остальных. Вот так неожиданность, я не думал, что она станет учиться на том же факультете, что и мы с Лети. Был уверен, что она артефактор или теоретик.

Мэтр Ригас недобро усмехнулся.

– А вы скажите ему, что заставите его съесть собственный носок, и он отстанет, – посоветовал он.

И даже, возможно, не шутил.

– А теперь не будем терять времени и сразу перейдем к делу! Сейчас вы своими глазами увидите, как работают дознаватели. Случай простой, очевидный, думаю, до конца занятия управимся!

Только теперь мы обратили внимание на раздвижную ширму, закрывавшую часть павильона. Мэтр Ригас сложил ее и убрал в сторону. Ряды студентов дрогнули и попятились. Лети приглушенно вскрикнула и схватила меня за руку.

На стуле, обмякнув, восседал трупень – ну спасибо, Рум, теперь это слово первым всплывает в памяти, когда я думаю об учебном материале. То ли мэтр Ригас прислушался к моей просьбе, то ли на вступительные испытания поставляют совсем уж негодные тела, но этот материал выглядел вполне сносно.

Знаю, что нельзя относиться к мертвым свидетелям как к

разумным существам. Нельзя допускать сочувствия, оно станет помехой в деле. Но все же я не мог не думать о том, что несчастный гоблин, сидящий сейчас перед нами, еще вчера был жив. Улыбался, грустил, мечтал о чем-то...

– Свежачок, – ухмыльнулся Арвил. – Еще вчера бегал!

Я влепил ему подзатыльник, а он мне с размаха треснул в челюсть. Удар взорвался искрами в голове. Шрам, шишка, теперь синяк на подбородке. Можно собирать коллекцию.

– Тихо! – крикнул декан. – Арвил! Ларнис! Не ожидал от вас!

А зря! Возможно, я полон сюрпризов!

Летиция нащупала мои пальцы, сжала. Все хорошо, Лети, не волнуйся за меня...

Глава 9

Летиция

Так я и знала, что учеба начнется с боевого крещения: нам покажут работу дознавателя на практике. И я понимаю декана: разговор с мертвым свидетелем лучше увидеть, чем изучать в теории. Но после вчерашнего бурного вечера и бессонной ночи – я так толком и не уснула – я бы куда с большим удовольствием подремала над конспектом, а не вот это все...

И жалко было этого несчастного, хоть мэтр Ригас и просил не смотреть на них как на разумных созданий. Арвил получил от Ларниса за свои неуместные шуточки, и правильно!

– Ну, кто смелый? – продолжил декан. – Выходите, не стесняйтесь! Ваше дело поднять свидетеля, а направлять разговор я стану сам.

Желающих пока не находилось, наоборот, стоило мэтру Ригасу сделать шаг навстречу, как все дружно подались назад. Он, увидев такое единодушие, рассмеялся и, нарочно громко топнув, приблизился еще на шаг. Тут уж мы устояли: сделалось стыдно.

– Я пойду, – сказал Нис и мягко освободил руку из моих пальцев: оказывается, я все еще сжимала ее.

Надеюсь, вчерашнее заклятие, или что там отбросило Ларниса от крыльца, никак ему не навредило. Ничего хорошего не будет, если все время биться головой.

Прошедшая ночь всем нам запомнится надолго. Руби быстро уснула, но ворочалась и ругалась на кого-то во сне. Я полулежала на подушке, прижав к переносице кусочек льда, замотанный в лоскут ткани. Лед для меня сотворила второкурсница-целительница, которую мы с Руби случайно встретили на лестнице, когда спускались на свой этаж.

– Сейчас полечу, – сказала она сначала и положила ладонь на мой лоб.

От ее пальцев по коже растеклась приятная прохлада, в голове сразу прояснилось, и звон в ушах прекратился, да только нос все еще хлюпал. Противный нос.

– Не понимаю, – задумчиво протянула целительница. – Наверное, что-то делаю не так... Пойдем со мной в соседний корпус, к старшекурсникам.

Идти снова куда-то в темноте совершенно не хотелось. Еще немного – и наступит рассвет, а я не сомкнула глаз.

– Да не надо, все пройдет само. У меня так бывает, с детства случается. Вот если бы мне кусочек льда...

– Это запросто!

Лед действительно помог, как обычно. Дома, когда у меня из-за перенапряжения нос так же начинал дурить, тетка запрещала мне показываться на улице. «Еще решат, что я тебя колочу! – ворчала она. – А ведь я тебя и пальцем не трогаю!» Действительно, не считать ведь ежедневные «тупица криворылая» и «нищенка безрукая» за тычки и оплеухи? «Мамаша твоя беспутная не пойми от кого дочь нагуляла, вот и ро-

дила ущербную!»

«Не слушай ее, мамочка, – думала я в такие минуты. – Ты самая лучшая, самая красивая. Как бы мне хотелось, чтобы ты осталась жива».

Вступительное испытание на факультете целителей проводил забавный старенький гном мэтр Липл, которого прозвали «мэтр Крикл», и скоро я поняла – почему. Он не умел разговаривать спокойно, будто думал, что его пронзительный голос вложит знания прямо в наш мозг. Преподаватель магической диагностики сразу обратил на меня внимание, долго расспрашивал, часто ли болит у меня голова, и при этом хмурился. В разгар испытания отлучился, вернулся с высоким широкоплечим мужчиной в зеленой мантии. Как я потом поняла – деканом факультета мэтром Орто. Они думали, что я не вижу, как они переговариваются и поглядывают на меня. Я испугалась, что из-за моей маленькой проблемы меня снимут с испытаний и отправят восвояси, но обошлось!

– Что ж, Ларнис, вам это будет несложно, – услышала я голос мэтра Ригаса и, отвлекшись от воспоминаний, сосредоточилась на занятии. – Главное, не перестарайтесь. Так, а сейчас все слушайте и запоминайте первое правило некромантии: для упокоения требуется ровно в два раза больше силы, чем на воззвание. Поэтому если вы не рассчитаете магию и израсходуете больше, чем необходимо, то вынуждены будете ждать в компании... хм... свидетеля, пока резерв вос-

становится. Это ошибка новичков. На самом деле в воззвании важна не сила, а мастерство. Не кувалда, а резец. Понятно?

– Да... – протянул нестройный хор голосов, не слышном-то воодушевленный.

– Ладно, расслабьтесь. Если переборщите с магией и не сумеете упокоить, рядом всегда будет кто-то из преподавателей. А вот если привяжете... Но об этом в следующий раз! Давайте, Ларнис. Помните, не кувалда! Повторения вступительного испытания нам здесь не нужно.

Видно, декан до сих пор под впечатлением от бурного пробуждения учебного материала № 5.

Нис выступил вперед, встал напротив стула. Я не успела понять, что именно он сделал, но гоблин вдруг распрямылся и открыл глаза. Никто из нас еще не видел так близко оживших... назовем их свидетелями, раз и мэтр Ригас так их называет. Зрелище не для слабонервных, особенно в первый раз.

Наверное, я привыкну. Должна привыкнуть, иначе какой из меня дознаватель! Но сначала сделалось жутковато, и не только мне – мы все, будущие кукловоды, сбились в тесную кучку у самой стены: пятиться дальше было просто некуда. Однако Нис держался, не дрогнул и не отступил. Я им гордилась!

– Замечательно, – похвалил декан, посмотрел на нас. – Вряд ли у кого-то из вас получится так же быстро, просто

у Ларниса выдающиеся способности. Пусть вас это не смущает. Ларнис, будете повторять за мной: учебный материал слышит и слушает лишь того, кто к нему воззвал.

Нис кивнул, но декан, прежде чем приступить к допросу, продолжил пояснения.

– Воззвать к мертвому телу несложно, куда сложнее подготовительный этап. Осмотр места происшествия, опрос свидетелей. Я имею в виду живых свидетелей. Все это и есть основная работа дознавателя. Поднять тело – половина задачи, главное – правильно подготовить вопросы. Жертвы обычно неразговорчивы, предпочитают говорить только «да» или «нет», а то и вовсе упрямятся и молчат. Бывает, подают знаки, которые можно истолковать, лишь хорошенько изучив дело.

Мэтр Ригас повернулся к гоблину, который, тихонько мыча, раскачивался на стуле.

– Ларнис, спросите у свидетеля, его имя Хоррис Лурс?

– Тебя зовут Хоррис Лурс? – повторил Нис.

– Да-а-а... – глухо, протяжно и тоскливо выдохнул гоблин.

У меня мороз пробежал по коже от этого неживого голоса.

– Попробуешь сам? – предложил декан. – Представь, что ты на следствии и расследуешь странную смерть. Господину Хоррису принадлежит лавка продовольственных товаров. Он вел добропорядочный образ жизни, был отличным семьянином, знакомые и соседи утверждают, что врагов у него

не было. В последнее время ему никто не угрожал. Однако вчера вечером он зашел в свою лавку, чтобы устроить ночную ревизию, а домой не вернулся. Утром старший сын нашел отца с проломленной головой. Видимо, пытаясь удержаться на ногах, лавочник вцепился в полку и обрушил ее на себя. Орудия преступления не найдено. Странность в том, что лавочник лежал полностью мокрый, но поблизости нет емкости, откуда могла пролиться вода. Двери и окна лавки заперты изнутри. Напоминаю, что дело простое, дознаватель все понял без допроса, поэтому тело отдали нам для практики.

Простое? Ничего себе, я не могла и предположить, кто же грохнул беднягу. Заметила, что и однокурсники удивленно переглядываются и перешептываются.

– Ларнис станет задавать вопросы, но вы можете ему подсказывать, что именно спросить. Стройте предложения так, чтобы получить односложный ответ.

– Тебя убили? – спросил Нис.

Он, не отдавая себе отчета, запустил пальцы в волосы и дотронулся до шрама. Подумал о том, что тот, кто не добил его, зачем-то укокошил несчастного лавочника?

– Это дело никак с вами не связано, – тихо произнес декан.

Гоблин покачивался на стуле и молчал, глядя перед собой пустыми глазами.

– Они не агрессивные? – громко спросила Лули. – Не ки-

даются, как тот козел?

– Бывают разные, поэтому материал всегда надо держать под контролем. Но этот безобиден.

Фух, уже легче.

– Тебя убили? – снова задал вопрос Ларнис, но в ответ получил лишь тоскливое мычание.

– Если свидетель не отвечает на вопрос, значит, он и сам не знает ответа.

– Не знает, убили ли его? – удивился Арвил. – Такое возможно?

– Возможно, – коротко ответил декан, не собираясь облегчать нам расследование.

– Спроси, был ли он в комнате один, – посыпались советы. – Спроси, опасался ли он за свою жизнь.

– Ты был один в комнате?

– Да-а-а...

– Ты опасался нападения?

– Не-е-ет...

Я пыталась представить картину, которую увидели перед собой городские стражники, когда следом за Лурсом-младшим пришли на место преступления. Лавочник лежит на полу весь мокрый неизвестно отчего, а вокруг разбросаны предметы, раньше стоявшие на полке. Кстати, а что там стояло? И если судить по внешнему виду гоблина, удар пришелся в затылок, потому что спереди раны не видно.

Я, к собственному удивлению, поняла, что уже не боюсь и

не чувствую отвращения, а с интересом рассматриваю беднягу, надеясь найти подсказки. И не только я.

– Попроси его повернуться! – крикнул незнакомый орк. Декан поднял руку, требуя тишины.

– Хорошее предложение, и тут как раз пригодится второе правило. Когда дознаватель работает в связке со свидетелем, ему проще не приказывать совершить какое-то действие, а показать – свидетель его отзеркалит.

Ларнис секунду раздумывал над новой информацией, потом придвинул стул и сел напротив гоблина, посмотрел ему в глаза. Медленно встал. Гоблин за ним. Нис развернулся вокруг своей оси. Свидетель повторил и повернулся к нам затылком...

Кто-то из девочек пискнул, я втянула воздух сквозь сжатые зубы. Кто-то от души приложил беднягу, после таких ранений не выживают.

– Вы говорили, что дознаватель имеет право осмотреть место преступления! – подала голос я. – А мы даже не знаем, что продавал господин Лурс!

– Хороший вопрос, – улыбнулся декан. – И я на него отвечаю: он продавал мороженое.

Кому на руку убийство мороженщика? Ума не приложу!

Нис оглянулся на меня и улыбнулся. «Спасибо, Лети», – произнес одними губами. Спасибо? Но за что?

Нис некоторое время молчал, видно, мысленно вертел в голове вопрос. Я была уверена, что он спросит: «На полу ле-

жало мороженое?», но Ларнис меня удивил.

– На вашу лавку наложено заклятие? – негромко произнес он.

– Что? – зашептались вокруг. – Заклятие? Да кому нужно накладывать заклятие, чтобы убить лавочника? Это дорого.

– Можно дальше допрос поведу я? – снова вылез Арвил. – Уже ясно, что Ларнис его повел куда-то не в ту степь. Это же просто смешно!

– Вам смешно? – холодно поинтересовался декан. – Давайтеждемся ответа свидетеля. Ларнис, мне кажется, свидетель вас не услышал, переспросите.

– На вашу лавку наложено заклятие?

Протяжное «Да-а-а...» положило конец спорам, в аудитории повисла звенящая тишина.

– Вы сами попросили наложить заклятие? – продолжал Ларнис, и на этот раз никто его не перебивал, все молчали, боясь пропустить хоть слово.

Я совершенно не понимала, куда он ведет и как ему помогла информация о том, что Лурс продавал мороженое.

– Да-а-а... – последовал ответ.

– Это заклятие холода? – начал было Нис, но тут же сам уточнил вопрос: – Это заклятие превращает лавку в большой холодильный ящик?

Холодильные ящики не редкость, даже у моей тетки есть такой. Обычный ящик, на который наложено заклятие холода. Они бывают разных размеров и из какого угодно матери-

ала. Тут уж каждый выбирает на свой вкус и кошелек. Есть совсем простые, деревянные, сколоченные из досок, похожие на ларь для хлеба. Есть из металла, дорогие, украшенные затейливыми рисунками. Тетка очень гордилась своим: с виду ничем не отличается от напольного сундука, на выгнутой крышке нарисованы синей краской морозные узоры. Сама крышка даже не прохладная, а вот стоит поднять ее!.. В детстве я не переставала удивляться этому маленькому чуду. В доме жарко, а в холодильном ящике стены покрыты толстым слоем льда. Помню, я даже откалывала кусочки, и не только чтобы подлечить мой слабый нос, но и просто рассасывала во рту, как леденец, – это отлично охлаждало в летний зной.

Неужели лавочник превратил в огромный холодильный ящик всю лавку?

– Да-а-а... – прогудел господин Лурс, будто в ответ на мои мысли.

Интересно, как там внутри? Стены покрывал иней? А на потолке росли сосульки? Но это опасно...

– Ой! – воскликнула я вслух, озаренная догадкой.

Похоже, и Нис это понял, но куда раньше меня. А вот однокурсники, судя по их напряженным лицам, еще не поняли. Очень хотелось похвастаться вслух, что я, кажется, нащупала разгадку, но я прикусила губу. Это дело Ларниса, он ведет его в нужном направлении, и было бы не очень красиво с моей стороны перетянуть одеяло на себя.

– Возможно, вы давно не обновляли заклинание... – продолжал Ларнис. – Это дорого, особенно если речь идет о холодильном ящике такого размера.

Гоблин молчал.

– Не строй предположения, спрашивай, – поправил его мэтр Ригас.

– Дела в лавке в последнее время шли не очень хорошо?

– Да-а-а...

Я едва не подпрыгивала на месте от возбуждения. Куда делся мой страх? От него не осталось и следа.

– Вы давно не обновляли заклинание холода, потому что сэкономили?

– Да-а-а...

– В последние дни стояла жаркая погода, не свойственная началу осени. Возможно, господин Лурс ждал, что вот-вот похолодает, тогда и обновлять заклинание не придется, – вслух рассуждал Нис.

– А, я понял! – заорал Арвил. – Это...

– Тихо! – поднял ладонь декан. – Теперь молчите.

Арвил насупился. Ничего, потерпит. А то понял он, когда уже и все поняли! И снова решил показать, какой он молодец.

– Когда вы пришли в лавку, то заметили на полу лужи? – продолжал допрос Нис.

– Да-а-а...

– Это начал таять лед, покрывающий стены и потолок.

Заклинание слетело не сразу, оно становилось то слабее, то сильнее. Из-за этого на потолке выросли сосульки, как бывает в оттепель перед похолоданием, – размышлял Нис.

Я кинула быстрый взгляд на однокурсников. На многих лицах застыло удивление и восхищение, они слушали, кивали и не перебивали. Ларнис сейчас выглядел как настоящий, уверенный в себе дознаватель. Голос его звучал спокойно и убежденно.

– Вы подошли к полке, на которой хранились коробки с мороженым, – продолжал рисовать картинку Ларнис. – И внезапно услышали треск над головой, но даже не успели понять, что это.

Гоблин молчал, но раскачивался на стуле все сильнее.

– Вы услышали треск?

– Да-а-а... – выдохнул господин Лурс.

Бедный-бедный. Из-за попытки сэкономить он стал жертвой несчастного случая.

– Господина Лурса убила сосулька, сорвавшаяся с потолка, а потом она растаяла, превратившись в воду, – громко объявил Ларнис, повернувшись к нам. – Дело раскрыто!

Я не сдержалась и захлопала, впрочем, как и остальные. Я и подумать не могла, что расследование может стать таким увлекательным занятием. Неудивительно, что нас, кукловодов, побаиваются и опасаются, если при встрече с покойником мы испытываем не ужас, а азарт. Я не представляла, что так воодушевлюсь. Может быть, преподаватели все-таки зна-

ют, кого отправлять на факультет ментальной магии?

– Отлично, Ларнис! – улыбнулся декан. – Я знал, что вы справитесь.

Потом мэтр Ригас обратился к нам:

– Скажите, в начале занятия вам было страшно?

– Да-а-а... – произнесли несколько голосов.

– А теперь страшно?

– Не-ет! – дружно ответили все, а кто-то добавил: – Смотрите-ка, методы допроса действуют и на студентов!

И мы рассмеялись, окончательно сбросив напряжение.

– Я специально начал первое занятие с практики, чтобы вы поняли, что все не так страшно и мерзко, как вы себе успели вообразить. Да, Лулиана?

Лули наклонила голову и уставилась в пол.

– Профессия дознавателя уважаемая и нужная. Родные господина Лурса опечалены его смертью, но они, по крайней мере, не будут мучиться от неизвестности. А сколько настоящих убийств раскрыли выпускники нашего факультета! И сколько раз именно они помогали выигрывать сражения во время последней Стодневной войны с севером! Я всех поздравляю с первым раскрытым делом!

Я думала, что после занятия по специальности во время обеда не смогу проглотить и кусочка, а сама смела все, что лежало на тарелке. Аппетит не испортился!

Глава 10

Ларнис

Стоило начаться учебному процессу, и время полетело вперед, перелистывая день за днем. Все стали так заняты, что даже Руму не хватало сил на новые выходки. Боевиков гоняли с утра до ночи: до обеда лекции, после обеда практикумы, где они оттачивали новые заклинания. Преподаватели отлично знали, что у магов в алых мантиях переизбыток энергии и лучше сразу направить ее в мирное русло.

Рум возвращался после занятий и падал на кровать. От оборотня пахло мокрой собачьей шерстью, а иногда паленой собачьей шерстью – в зависимости от того, какие заклинания сегодня были в ходу. И все же он не оставлял надежды в скором времени снова «повеселиться». Так он это называл.

– Но не сегодня, Нис, не сегодня, – бормотал он, зевая. – Преподы – звери, клянусь светлыми богами. Они из нас готовы всю душу вытрясти! А ты как?

На факультете ментальной магии после первого практикума перешли к теории. И если у Рума трещали мышцы и кости, у нас кипели мозги. На лекциях продохнуть некогда, только и успевай записывать.

– У меня уже пальцы скрючились, – вздыхала Летиция, быстрым движением отбрасывая локон со лба.

Летиция. Она сидела рядом и конспектировала слова пре-

подавателя, стараясь ничего не упустить. Торопилась, закусывала губу, но никогда не бросала карандаша. Ей больше нравилось писать карандашом: его, в отличие от перьевой ручки, не нужно было обмакивать в чернила. Лети смотрела только на раскрытую тетрадь или на преподавателя. Я делал краткие записи – лишь самое основное, а в остальное время любовался на нее.

На ее гладкие темные волосы, сбегаящие по плечам. На прядь, что так настойчиво опускается на глаза, когда Лети наклоняется к тетради. Один раз я сам осторожно поправил ее – Летиция увлеклась и не заметила. Когда Лети слушала преподавателя, она переставала закусывать губу, вместо этого задумчиво постукивала карандашом по подбородку. Если Лети слышала нечто, что ее удивляло или возмущало, она быстро моргала, а я смотрел, как взлетают и опускаются длинные густые ресницы. Я потихоньку придвигался все ближе. Была бы моя воля – уткнулся бы носом в ямочку над ключицей и вдыхал сладкий аромат.

Смотрела ли Летиция на меня? Замечала ли, с каким вниманием я ее разглядываю? Вряд ли. Она была увлечена учебой.

А я был увлечен Лети.

– Правда, скрючились, – с улыбкой повторила она и пошевелила в воздухе нарочно согнутыми пальцами.

Преподаватель объявил пятиминутный перерыв, и все тут же побросали ручки и карандаши, зашумели, обсуждая

недавнюю тему. На курсе основ некродевиаций изучали по-
смертное поведение представителей разных рас. Обычно они
вели себя определенным образом: орки становились агрес-
сивными, гномы не желали вступать в беседу, василиски ку-
сались. Но иногда происходили случаи, которые не уклады-
вались в привычные рамки. Мэтр Кунс как раз рассказал ис-
торию о человеке, который после воззвания упорно всех ца-
рапал. Даже когда ему связали руки за спиной, он продолжал
шевелить кончиками пальцев, а на вопросы не отвечал.

– Обычно некродевиации, то есть отклонения от привыч-
ной нормы, говорят о том, что жертва хочет подать нам знак.
В памяти все еще жива последняя эмоция или последняя
мысль, которая просится наружу. Пока есть время – поду-
майте, как бы вы поступили на месте дознавателей.

Теперь все громко предлагали разные версии, но мы с Ле-
тицией не участвовали в дискуссии.

– Скрючились прямо как у того бедолаги, – прошептала
она, наклонившись к моему лицу, и хихикнула. – Сейчас бу-
ду всех царапать.

Я едва удержался, чтобы не поцеловать ее, вместо этого
напустил на себя суровость.

– Ну-ка дай сюда.

Я взял ее руку и принялся массировать пальчики, гладить
ладонь, чувствуя, как теплеет ее кожа, и ощущал едва замет-
ную дрожь. Я хранил серьезность: ну прямо-таки целитель
за работой. Ловил на себе смущенный взгляд Лети: «Что это

ты делаешь?» Но моя сдержанность ее обманула. Лети подумала, что я по-дружески решил помочь, вздохнула, устроилась поудобнее и принялась рассуждать вслух:

– Интересно, зачем он всех царапал? Хотел напоследок выцарапать глаза своему убийце? И на вопросы не отвечал. Странно. И что в таком случае делать? Упокоить? Но после воззвания он продолжит начатое.

Голос ее становился все тише, и вот уже Летиция замолчала, только жмурилась, точно котенок.

– Что ты делаешь, Нис, я ведь сейчас отрублюсь, – промурлыкала она. – Так устала вчера...

Я устроил ее голову на своем плече – пусть отдохнет немножко. Успеем разобраться с делом царапающегося мертвеца. Да что там, я и так знал, какого ответа от нас ждет мэтр Кунс. Разгадка на поверхности, удивлен, как остальные этого не видят.

Декан факультета назвал мои способности выдающимися. Но почему? Когда он успел это понять? Его так сильно впечатлило воскрешение учебного материала № 5? Или дошли слухи о том, что я преодолел защитное поле у дома ректора и добрался до крыльца? Рум очень старался, рассказывая эту историю всем, кто хотел услышать. Сам он в этой истории стоял на шаг позади и отступил только потому, что испугался за меня.

На самом деле на шаг позади стояла Лети.

Летиция посапывала на моем плече, дышала теплым в

шею, волосы щекотали подбородок. Устала, маленькая. Она каждый вечер уходила на заработки – хотела поскорее погасить долг перед академией. Не отказывалась от любой работы – посудомойки, прачки, горничной.

Я бы с радостью поделился деньгами, которые для меня собрали преподаватели. Много ли мне нужно – теплую куртку на холодное время, ботинки и, пожалуй, все. Но что подумает Летиция? Решит, что я ее покупаю? Я боялся неосторожным словом или поступком ранить и оттолкнуть ее.

Руби подтвердила мои опасения: «Не примет и обидится. Маленькая, но гордая птица. Она даже печеньем не разрешает ее угостить, если ничего не может предложить взамен».

Поэтому я искал работу, которая бы подошла нам с Лети. Причем такую, чтобы Летиция меня не заподозрила в покровительстве.

Я гладил ее тонкие пальцы и боролся с искушением коснуться губами макушки. В какой-то момент поднял голову и натолкнулся на пристальный взгляд Лули. Дриада сделала вид, что смотрит не на меня, а в сторону, а мгновение спустя уже повернулась к Арвилу – они сидели рядом – и негромко произнесла пару слов.

Эмоции василисков легче легкого считываются по чешуе. Не только возраст. Все знают, что чем моложе василиск, тем ярче чешуйки: небесно-голубые у малышей, в старости они становятся темными почти до черноты.

По тому, как Арвил топорщил чешую на затылке, как по

ней молнией пробежали зеленые всполохи, я понял, что он хочет казаться уверенным в себе, хотя на самом деле растерян. Лети мне не верила.

– Да ладно, ничего такого я не замечаю, – сказала она на прошлой лекции, после того как несколько минут разглядывала Арвила. – По-моему, он весьма в себе уверен. И та еще заноза в... хм... Ты понял.

Ладно, может быть, я и выдумал это. После неоднократной встряски я не слишком доверял своему рассудку. Иногда казалось, что я мыслю ясно, иногда разум будто тонул в тумане, и тогда сквозь дымку я начинал различать лица и голоса: еще немного – и узнаю, кто эти люди! Но нет, не узнавал.

С шумом открылась и закрылась дверь: вернулся преподаватель. Мэтр Кунс энергично подошел к кафедре и обвел аудиторию строгим взглядом.

– Надеюсь, вы плодотворно провели время? Обсуждали версии, а не дремали, как некоторые.

Лули обернулась, посмотрела на Летицию и хихикнула. Как мне не хотелось будить Лети, но придется.

– Лети, проснись.

Я подул ей на лоб, Лети потерлась щекой о мое плечо, думая, что ее щекочет сквозняк.

– Проснись, Лети.

– Возможно, юная Летиция уже разобралась с трудным случаем, который поставил в тупик мастеров своего дела. Так, Летиция?

Лети проснулась, но сказать ей было нечего. От смущения краска бросилась ей в лицо. Я нашел под столом ее руку, пожал и негромко произнес:

– Просто повтори за мной.

– Свидетеля оставили одного в комнате, – послушно повторила за мной Летиция, а потом ее глаза распахнулись и она посмотрела на меня в недоумении.

«Что?» – беззвучно произнесли губы.

Но суровый взгляд мэтра Кунса смягчился.

– Так-так, а почему вы так полагаете?

Я собирался подсказывать дальше, но Лети и сама нащупала путь к верному ответу и теперь подыскивала слова, наблюдая за реакцией преподавателя, – точно канатоходец, осторожно пробиралась вперед.

– Я полагаю... Эту необычную некродевиацию нельзя исправить, мертвый свидетель отказывался отвечать на вопросы, а находиться с ним наедине небезопасно...

Мэтр Кунс кивал.

– Оставалось только два пути – расследовать дело так, как если бы свидетеля и вовсе не было, или... Или дать ему свободу и посмотреть, что он будет делать. Если странное поведение жертвы – это отражение его последней мысли или чувства, то таким образом он может указать на убийцу.

– Вижу, что вы внимательно слушали, Летиция. Садитесь.

Лети бухнулась рядом, будто у нее подкосились ноги. Переволновалась, но справилась. Я переплел свои пальцы с ее:

«Все хорошо, ты молодец».

– Действительно, это довольно известный случай из практики некродевиаций, и подробнее о нем вы сможете прочитать дома во втором параграфе учебника. – Мэтр Кунс вернулся к лекции.

– Так нечестно! – выкрикнули несколько голосов. – Нам интересно, чем закончилась история!

Другие уже шуршали листами книги, стараясь найти описание.

Преподаватель улыбнулся.

– Обычно я таким образом побуждаю студентов самостоятельно изучать материал, но так и быть, в первый раз сделаю вам поблажку. Господина Х., так он обозначен в деле, утопил в бочке с вином собственный брат. Не поделили наследство. До последней секунды господин Х. пытался нацарапать на дне бочки – господина Х. сунули в нее вниз головой – имя своего убийцы. А говорить он не мог, потому что изо всех сил сжимал челюсти. Последние его мысли были о том, чтобы не наглотаться вина раньше времени: он хотел успеть выдать убийцу. Когда господина Х. оставили в комнате одного, он продолжил начатое и все-таки сумел начертить на стене несколько первых букв.

– О-о-о! – выдохнули будущие дознаватели в едином порыве.

Лети сияла. Она изо всех сил сдерживала улыбку, но тогда начинали лучиться глаза. Она распрямилась и довольно

поглядывала на всех, хотя никто из однокурсников на нее не обернулся. Я на них даже разозлился, но Лети не расстроилась. Ей не нужны были аплодисменты и восторги, ей вполне хватало того, что она сама разгадала загадку.

– Умница, – шепнул я, и тогда Летиция все-таки разулыбалась.

– Да ладно, ерунда!

Мы виделись только на занятиях и по утрам в столовой, но я радовался и этому. Рум помнил о том, что проиграл пари, и пару раз заговаривал о долге, а именно – об ужине, которым меня обещали накормить. Но я бы ни за что не допустил, чтобы Лети кормила меня из своего кармана, в котором и так пусто. Да и остальные не могли похвастаться богатыми родственниками. Руби и Рум работали весь год перед поступлением в Академию, чтобы накопить деньги на первый семестр. Родители им немного помогли, но скоро моим приятелям придется подумать о подработке.

– Да брось, я тоже проиграл. Я не успел дотронуться до перил, когда меня отшвырнуло прочь, – выкрутился я.

– Не успел? – Рум заметно оживился. – А я так и знал, между прочим! Никто не может!

Повысил соседу самооценку, а заодно избавил Летицию от долга. Она ведь и не хотела идти на придуманное Румом посвящение, это мы уговорили.

Мне тоже скоро понадобится работа. Хотя я... другой,

неизвестный мне «я» внес плату за год обучения, мне меньше всего хотелось выглядеть в глазах приятелей бездельником и лентяем. Кроме того, я надеялся подыскать такое занятие, куда можно будет позвать с собой и Летицию.

Вечерами, когда Лети отправлялась в трактир или постоялый двор, чтобы на следующий день отнести в кассу Академии несколько монет, я ходил по улицам города, осматривался и искал подходящего случая.

Была у меня и другая цель, в ней было нелегко сознаться даже самому себе. Я надеялся, что меня кто-то узнает. Кто-то из прошлой жизни. Назовет настоящее имя, покажет дом, где я жил. Неужели родные меня не ищут? Да и есть ли они вообще? Может быть, я действительно сбежал? Или они любят меня, но не волнуются, потому что знают, что в Академии я в безопасности? Мне было не по себе от этих мыслей, которые то наполняли сердце надеждой, то толкали меня в омут печали. Кто я? Кто же я такой?

Я заходил в лавки, рассматривал товар и здоровался с продавцами, надеясь заметить на их лицах тень узнавания. Но вежливые взгляды скользили по мне и отправлялись к другим покупателям. Меня никто не узнавал. Вероятно, я пробыл в городе всего один день и не успел обзавестись знакомыми.

Порой я бродил до позднего вечера и возвращался на кампус в потемках. Домашнее задание казалось очень простым, и я заучивал параграфы с первого раза. Лети забавно ворча-

ла: «Мне бы такую память! Как вообще возможно уложить в голове эту сложнейшую формулу воззвания?»

Однажды я забрел на окраину города и гулял по улице среди приземистых домов и лавок, где торговали мясом, овощами и сырами. Попадались среди них и магазинчики, где продавали редкие товары: расчески-пуходерки для оборотней, щипчики для когтей, пилки для отросших клыков орков. Где-то торговцы, наоборот, покупали у жителей то, что они могли предложить: яд у василисков, сброшенные крылышки фейри, чешуйки драконов.

В одну такую лавку я бездумно завернул. Думал, что посмотрю на витрины и пойду дальше, но полки оказались занавешены красной тканью. Что же здесь продают? Судя по запаху явно что-то вкусное и съедобное.

Я отодвинул край материи, но меня прервало многозначительное покашливание за спиной: за пустым прилавком стоял высокий и очень худой пожилой мужчина. Думаю, Лети назвала бы его зловещим и пугающим. «Ну просто свидетель, к которому воззвали, не находишь?» Я будто наяву услышал ее звонкий голос с искорками смеха и невольно улыбнулся.

– Желаете приобрести пищи? – спросил торговец.

Он прищурился и пригляделся ко мне.

– Глаза у меня уже не те, что были раньше, но... Вы здесь бывали? Правда, давненько это было. Лет семь или восемь назад.

Надежда вспыхнула и погасла.

– Нет, не бывал.

Восемь лет назад я еще был ребенком, и едва ли продавец узнал бы меня.

– Да? Хм... Показалось. Так вы пришли за пищей?

Я и правда проголодался, а вкусный запах разжигал аппетит.

– Что вы продаете?

– Как что? – Мужчина явно удивился такому вопросу. – Конечно, кровь.

Только тогда я узнал запах: похоже пахнет в мясном ряду, где продают парное мясо. Я задержал дыхание – аромат щекотал ноздри, но теперь разум отказывался признавать его аппетитным. Продавец не заметил моего замешательства.

– Весь продукт наилучшего качества. Флаконы зачарованы лучшими артефакторами и сохраняют кровь свежей в течение долгих дней, – нахваливал он товар.

Он подошел и отодвинул шторы на витрине. На полках стояли флаконы разных размеров и форм, наполненные темно-алой субстанцией. Горло сжал спазм. Наполненные кровью. Буду называть вещи своими именами.

– Вот сегодняшний сбор. Кровь орков, как вы понимаете, немного горчит.

Он указал на самую внушительную склянку, плотно запечатанную сургучом.

– Зато большая порция. А для истинных гурманов у нас

есть кровь фейри.

Флакон с кровью фейри был меньше наперстка.

– Самый популярный и недорогой товар, как обычно, человеческая кровь. Много и дешево. Так что вам предложить?

– Откуда у вас... столько крови?

Только это я и сумел выдавить из себя, втянув воздух сквозь зубы.

Продавец посмотрел удивленно.

– Так обычное дело! Донорство. Таким, как вы, требуется кровь, и всегда найдутся желающие заработать серебрушку, а то и золотой. Никто не в обиде. И жители спят по ночам спокойно, зная, что вампир не выйдет на охоту.

– Вы им платите! – с облегчением воскликнул я.

– Ну да, говорю же, обычное дело. У меня приличное заведение!

Мужчина в сердцах задернул штору: мои слова его задели.

– Покупайте или уходите!

– Я...

Проклятие, рука потянулась к кошельку, привешенному к поясу, – едва успел отдернуть.

– Я зашел к вам случайно, по ошибке. Я не вампир.

Продавец смерил меня недоверчивым взглядом, покачал головой.

– Здесь вам не ярмарочный балаган, где выставляют на обозрение кровопийц, как это было раньше! Стыдитесь, молодой человек. Надеюсь, вы не расист!

Мужчина смотрел на меня с осуждением.

– Извините.

Что я еще мог сказать? Я почти бегом покинул лавку, завернул за угол и долго не мог отдышаться. Я до сих пор ощущал аромат крови и чувствовал голод.

Вернувшись в академию, я первым делом отправился в библиотеку. На время и не посмотрел, меня даже не смутило, что солнце давно село, на аллеях зажглись фонари, а вот окна студенческих общежитий, наоборот, гасли одно за другим.

Библиотека академии работает круглосуточно, правда, желающих корпеть над учебниками по ночам находится немного. Да что там, я оказался единственным. Дриада, смотрительница библиотеки, живет здесь же, в небольшой комнатке, спрятавшейся за стеллажами. Хотя, говорят, дриады могут уходить спать в книги, ведь каждая книга когда-то была деревом. Но это, конечно, просто красивая сказка.

Я позвонил в колокольчик, стоящий на кафедре. Хмурая смотрительница с растрепанными волосами не заставила себя долго ждать.

– Ну что за необходимость тащиться в библиотеку среди ночи, – ворчала она, медленно приближаясь по темному коридору.

Там, где она проходила, на стенах зажигались лампы, постепенно все помещение осветилось.

– До сессии еще полно времени! Ни зачетов, ни экзаменов! Так нет же, кому-то неймется... Ой!

Она подошла достаточно близко, чтобы рассмотреть меня как следует. Я не понял, к чему относится ее «ой», но на всякий случай – так как дриада пристально разглядывала мое лицо – потер нос.

– Видите что-то зеленое? – пошутил я. – Простите, что так поздно. Не рассчитал время.

– Ничего-ничего. – Смотрительница сменила гнев на милость и теперь смущенно улыбалась. – Мы всегда готовы принять студентов! В любое время! Мы очень их любим!

– Здорово... – пробормотал я.

М-да, вот что бывает, если поднять человека с постели. Вернее, вытащить дриаду из дерева. То фыркает, то просто душка. Может быть, все дриады такие? Я знаком лишь с двумя, и Лули пока подтверждает это впечатление.

– Какие книги вам принести?

– Что-нибудь... – Не думал, что это будет так сложно про-изнести вслух. – Что-нибудь о вампирах.

Улыбка медленно сползла с лица смотрительницы. Она глядела на меня во все глаза, и я никак не мог разгадать выражения ее лица.

– А нету... – выдавила она.

– Как? – удивился я. – Совсем? Учебники, справочники? Ничего нет?

– Все раздали, – выпалила дриада. – В вашем учебнике для первого курса «Расы и народы нашего мира» как раз есть упоминание.

Я уже пролистал учебник, но в нем сообщались самые краткие сведения о каждой расе: слишком уж многообразен наш мир. Основные знания мы получим на лекциях.

– А старые книги? – Я не собирался сдаваться. – Не может быть, чтобы никто и нигде не писал о вампирах.

– Я поищу, – безрадостно согласилась дриада. – Но там буквально крупички информации. Замучаешься выискивать.

– Ничего, я не тороплюсь, – улыбнулся я.

Вот так номер. И это самая полная магическая библиотека нашего мира! Мэтр Лазовски должен узнать, что по его специальности книг почти нет. Как готовиться?

«Ну ты зануда!» – будто наяву услышал я голос Рума.

Сейчас сосед по комнате спит без задних ног. И без передних. Иногда Рум во сне менял ипостась, и в первый раз я подскочил до потолка, когда в потемках брел к кувшину с водой и увидел в кровати Рума огромного волчару в носках на задних лапах. Он клацнул зубами, повернулся на другой бок и снова обернулся в человека.

Смотрительница притащила гору книг. Как будто специально – древних, пыльных, чьи листы пожелтели от времени.

– Вот... Только учтите, здесь вампиров называют кровопийцами, но вы на это не обращайтесь внимания. Древние предрассудки! Мы же знаем, что все расы равны! Я очень люблю вампиров!

И дриада уставилась на меня взглядом, по ее мнению, полным любви.

– Э-э-э... А вы пока отдыхайте, я нескоро закончу.

Ей явно отдых не помешает!

Книги, которые оказались у меня в руках, содержали море устаревшей информации о чем угодно: рецепты зелий, которые уже не используют, географические карты, давно потерявшие актуальность, старомодные правила этикета. Я погрузился в чтение. Сведений о вампирах действительно было мало, а те, что находились... хм... едва ли можно было принять за чистую монету.

«Кровопийцы есть ужасные твари, создания ночи, что под покровом тьмы пьют горячую кровь. Без нее они чахнут, слабеют и усыхают. Нельзя сих тварей считать разумными созданиями, потому без зазрения совести нанеси им удар, коли встретишь. Осиновый кол или серебряная пуля – верное средство...»

Меня замутило. Страшно представить, сколько вампиров в прошлом стали жертвами ненависти и глупости. Я открыл другую книгу.

«Кто-то говорит, что кровопийцам их пища необходима каждый день. Кто-то — что они могут обходиться без крови месяцы, а то и годы, однако обрекают себя на муки и медленную смерть. Вампир, питающийся каждый день, почти неуязвим и излечится от любых страшных ран. Поэтому перво-наперво вампира нужно иссушить – запереть в клетке на год, два, три, а там и убить...»

Я захлопнул фолиант и отодвинул от себя. Он словно жег

руки – столько черной злобы выливалось с пожелтевших страниц.

– Лар-рнис, вот ты где! – раздался жизнерадостный голос, который я узнал с первой рыкающей нотки.

– Рум?

Вот уж кого не ожидал увидеть! Рум позевывал, но явно выбрался не из кровати: сапоги начищены, с куртки смыты пятна травы и земли, а мантия отглажена.

– Я тебя ждал, а потом плюнул и решил пройтись – вдруг увижу. Ну а где еще искать нашего заучку, как не в библиотеке в час ночи! Заглянул в окна, смотрю: сидит! Вставай и пошли!

– Куда? – Я опешил. – Зачем ты меня ждал?

– Ты чем слушаешь? Я тебя сто раз предупреждал! Завтра выходной?

– Выходной.

– Правильно. Это значит что?

– Что?

– Отоспимся! А сегодня идем на вечеринку! Чего это ты тут закопался?

Рум подозрительно прищурился на книги, но не стал разбирать названия.

– Послушай... – начал было я.

«Мне нравится запах крови, – хотел признаться я. – Мне нужно понять, что это значит. Что если я вампир? Кровопийца...»

«Кровоопийца!» – вопили книги.

Мне чудилось, они разевают черные рты и обвиняюще выкрикивают это слово. У меня больше не было сил, чтобы прочитать хотя бы одну страницу.

– Все оценки все равно не заработаешь! А молодость – фьють – и пролетит мимо! Парни обещали протащить через ворота горячительное! На вечеринке веселье, девчонки!..

– Летиция?

– Руби обещала ее привести!

– А пойдем! – сказал я, вставая.

– Молодец, братишка! – Рум, по обыкновению, хлопнул меня по плечу так, что я пошатнулся.

– Где вечеринка?

– В нашем павильоне. – Рум снизил голос до шепота, но и от шепота его, казалось, сотрясался стол. – Поэтому собираемся после полуночи, чтобы преподады не узнали. Но у нас там, к счастью, ломать нечего – пустые стены, чучела и бревна.

Тут Рум заметил дриаду, застывшую за стойкой, и изобразил смущенную улыбку, которая на лице здоровяка-оборотня смотрелась чужеродно.

– Прошу, не выдавайте бедных студентов, – засюсюкал он. – Если кто-то из преподавателей узнает, то и до ректора дойдет...

Дриада странно хихикнула.

– Дойдет. Когда-нибудь все равно дойдет!

Глава 11

Летиция

Руби все-таки уговорила меня пойти на вечеринку. Я честно собиралась завалиться в кровать, как только закончу с домашним заданием, и впервые за месяц выспаться по-настоящему. Я так устала совмещать учебу и работу, что буквально засыпала на ходу.

– Будет весело! – сулила гнома. – Обещали притащить лютию. Потанцуем.

– Нет, Руби, не уговаривай, я не пойду.

Тем более что я и танцевать-то не умею.

– Принесут вина и эля, закуски тоже будут.

Вот если бы эти закуски магическим образом материализовались у нас в комнате! Увы, остается только мечтать, так как я твердо настроилась провести эту ночь в объятиях одеяла и подушки. Руби насупленно замолчала, а потом хитро улыбнулась.

– Рум приведет Ниса.

– С трудом в это верится, Ларнис скорее предпочтет библиотеку и одиночество, – засомневалась я.

Но поняла, что не так сильно я и устала. Если Нис действительно придет отдохнуть, почему бы и мне не решиться? В конце концов, один друг на вечеринке у меня точно будет! Подумала, и стало неловко перед Руби. У нас приятель-

ские отношения, но Рубелла такая общительная, у нее десятки знакомых. Придем на вечеринку, и она не станет стоять на месте, бросит меня в одиночестве. А Нис не уйдет и не бросит. Я несколько секунд размышляла над этим утверждением и кивнула сама себе: нет, точно не уйдет. Я хорошо его изучила за две недели, что прошли с начала обучения, – он отличный друг. Объясняет, когда мне что-то непонятно, всегда внимательно слушает, когда я говорю. Жаль, у нас не было возможности прогуляться куда-то вне стен академии или побродить вечером по аллеям. А теперь такой шанс появился, и мне не хотелось его терять.

Мы ждали, пока часы на башне главного корпуса пробьют полночь, а после снова ждали. Погасили свет в комнате будто легли спать, как добропорядочные студенты: дежурный преподаватель обойдет территорию примерно в половине первого ночи, а потом отправится домой. Тогда-то мы и прошмыгнем на тайное место сбора!

Время от времени мы выглядывали из окна и вот наконец увидели, как первые нетерпеливые студенты короткими перебежками от дерева к дереву направляются на вечеринку.

– Вперед! – скомандовала Руби.

Знала бы я заранее, где мне предстоит провести ночь, еще десять раз подумала бы, стоит ли идти. Все-таки закрытый павильон факультета боевиков не самое приятное место: обожженные кирпичные стены, пол, засыпанный песком, продавленные маты, правда, заботливо разложенные

кем-то вдоль стен, а главное – стойкий запах пота. Я замялась у входа, разглядывая тени, которые двигались в неярком свете парящих под потолком фонариков-светлячков.

– Девчонки! – К нам подлетел Рум и протянул два зачарованных магией бумажных кулечка, в которых плескалось вино. – Так, держите! Проходите! Располагайтесь!

Руби радостно взвизгнула и упорхнула к стайке девушек-артефакторов, ее сокурсниц. Рум приветствовал следующих гостей, а я оказалась предоставлена сама себе. Ладно, не привыкать.

Я неторопливо побрела вдоль стен, пригубливая вино. Не столько пила, сколько делала вид – лишь бы чем-то занять руки. Атмосфера мне нравилась. Негромко играла лютня, приглушенный свет все делал таинственным и загадочным. Некоторые гости сидели на матах и общались, другие перемещались по залу, здороваясь со знакомыми. Ниса я пока не увидела, жаль, если он не придет.

Пока я отыскивала Ларниса взглядом, появилась Лули. Я подалась назад и спряталась за широкую спину незнакомого орка. Дриада больше не говорила мне гадостей, но достаточно того, что на занятиях она всегда смотрела сквозь меня, а если мы сталкивались в коридорах, притворялась, что мы не знакомы. Будет лучше, если на вечеринке мы разминемся.

Тут Лули улыбнулась – я успела удивиться: надо же, какой светлой и открытой может быть ее улыбка, – и замахала рукой:

– Нис, ты тоже здесь!

Нис стоял будто подсвеченный сиянием. Его светлые волосы золотились, улавливая малейшие отблески магических светлячков. Он казался красивым сверкающим призраком среди темных теней. Оттого, что Лули опередила меня и первая пошла навстречу, неожиданно больно сжалось сердце.

Лули по доброй воле теперь не отцепится, а Ларнис не настолько бестактен, чтобы отправить ее восвояси.

Я одним махом осушила вино. Впервые в жизни, надо признаться, и, конечно, оно мгновенно ударило в голову. Зачем я продолжаю стоять и смотреть, как Лули подходит вплотную к Нису, как кладет руки к нему на грудь, заигрывая, как приподнимается на цыпочки, лукаво глядя в глаза? Она что-то говорит, но я не слышу. Я жду, когда Нис улыбнется в ответ, накроет ее руки своими ладонями, а то и обнимет за талию. Это ведь вечеринка, здесь, в полутьме, разрешено то, что непозволительно при свете дня в строгих учебных аудиториях. Я не в обиде на Ларниса, я заранее его прощаю. Мы лишь друзья. И разве кто-то из мужчин может противостоять очарованию дриады? Как только он улыбнется ей, я сразу уйду домой.

«И к лучшему, – мрачно убеждала я себя, выцеживая в рот последние капли хмельного напитка. – Я ведь хотела выспаться!»

Ларнис несколько раз кивнул – от каждого наклона его головы противно екало сердце, – но так и не улыбнулся. Он

сделал шаг назад, и руки Лули упали. Нис чуть поклонился, прощаясь, развернулся и ушел. Лули, не веря случившемуся, застыла на месте и сжала кулаки.

А я смяла бумажный кулек и, внезапно обретя бесстрашие, нырнула в толпу студентов следом за Ларнисом.

– Нис!

– Лети!

Мы увидели друг друга одновременно и засмеялись. Он первый протянул руку, а я не глядя вложила в нее свою.

Мы застыли, рассматривая друг друга. Здесь, в сумрачном, подсвеченном слабыми огоньками павильоне, все сделалось другим, не таким, как утром. Ожидая начала лекции, мы раскладывали учебники, перепроверяли домашнее задание и разговаривали в основном о том, какую сложную задачу подкинул мэтр Аци, предложив рассчитать количество сил, нужных на воззвание и упокоение оборотня через два дня после смерти. Или о том, что на следующей неделе мэтр Ригас обещал включить в расписание практикумы по всем дисциплинам, и я признавалась, что пока не готова нос к носу общаться с настоящими, живыми, ну, то есть мертвыми, свидетелями. Мы не оставались наедине, в аудитории всегда находился кто-то готовый включиться в беседу. А большую часть времени болтать было некогда: отвлечешься на минутку и упустишь важную информацию. В столовой тоже не до болтовни: рот занят.

Сейчас же мы пусть и стояли в центре толпы, но темнота

будто отделяла нас ото всех, укрывала. На вечеринке каждый решал, что он выбирает: веселиться вместе со всеми, общаться, пить вино или удалиться от посторонних глаз в тихое место и остаться один на один с другом или подружкой.

– Хочешь потанцевать? – спросил Нис.

Рядом с эльфом, наигрывающим на лютне быструю мелодию, собралась компания разгоряченных студентов. Танцевать умели немногие, но это их не смущало. Они топали и подпрыгивали, размахивали руками и приседали. А то, обняв друг друга за плечи, вставали в круг. Расходились и сходились так тесно, что рисковали задавить несчастного музыканта. В такие мгновения лютня жалобно тренькала, будто умоляя выпустить ее на свободу.

Я с трудом представляла себя среди этого безудержного веселья и опасливо покачала головой: только бы Нис не стал уговаривать. Он и не стал, наклонился и заговорщически прошептал:

– Я где-то здесь видел твои любимые сахарные рогалики. Поищем?

Импровизированный стол с закусками – на самом деле несколько матов, положенных друг на друга и застеленных клеенкой, – к нашему приходу уже опустошили. Нис раздобыл сиротливо лежащий пончик, но и тот при ближайшем рассмотрении оказался надкусан с одного бока.

– Хочешь, прогуляемся в центр города? – спросил Нис.

Он смущенно вернул пончик обратно на стол, где тот дол-

го не залежался: его сцапал и тут же уничтожил орк в желтой мантии.

– Перекусим в спокойной обстановке?

– Да я не голодна.

Не хочу, чтобы Ларнис тратил на меня деньги, они ему и самому пригодятся. К тому же я боялась, что при ярком свете лампад мы потеряем нить разговора, смутимся и станем молча жевать пироги, глядя в тарелки.

– Здесь не так уж плохо, – улыбнулась я.

– Согласен.

Наверное, со стороны мы смотрелись странно: разгуливаем по павильону, но не примыкаем ни к одной компании. В одном углу продолжали танцевать, в другом играли в фанты и то и дело слышались взрывы смеха. Мы подошли в тот момент, когда на широкие плечи Рума взгромоздился незнакомый гоблин в синей мантии и оборотень, сжав челюсти, удерживал его под общий счет: «Один, два, три...»

– Пойдемте играть с нами! – позвала Руби. – Рум проспори́л, что удержит Свальгра на своих плечах целую минуту!

В этот момент хохочущий Свальгр кулем рухнул на пол.

– Пр-рокля́тие! – взревел Рум.

Нис покачал головой.

– Рум не исправим.

Мы нигде не задерживались. Здоровались, перекидывались парой слов и отправлялись восвояси. На самом деле нам никто был не нужен кроме нас самих.

Только один раз я едва сумела оттащить Ларниса от компании магов-боевиков, которые забавлялись тем, что на скорость опустошали бутылки вина. Нис всерьез собирался вмешаться, еле отговорила.

– Нис, они вырвались из-под родительского контроля не для того, чтобы слушать советы таких же зеленых студентов. Ну их, пусть развлекаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.